

Эммануил Тафель

16+

Взгляд сквозь камеру

Эммануил Моисеевич Тафель

Взгляд сквозь камеру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50296383

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07942-7

Аннотация

После окончания школы Игорь Меньшов решил поступать в Институт кинематографии. Его подруга Татьяна Красавкина не одобряет это решение, так как с отъездом Игоря в Москву их отношения могут прерваться. Жизнь у обоих героев романа складывается трагически. Меньшов не поступает в институт и тяжело заболевает, а Татьяну на пике беременности сбивает машина. Сумеют ли герои преодолеть жизненные трудности, добиться желанной цели, и восторжествует ли в конце концов любовь, узнают читатели книги.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	78
Глава 3	110
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Моим родителям посвящается.

Все события, описанные в романе, придуманы автором и не происходили в действительности. Совпадение имен и фамилий может быть только случайным и является плодом воображения автора.

Глава 1

Город

Трамвай несся вниз по улице, высекая искры на поворотах и надрывно сигнала. Тормоза не работали, и вагоновожатый с белым как мел лицом, вцепившись в ручку реостата, пытался затормозить и снизить скорость.

Человек тридцать пассажиров, отчаянно крича, упали друг на друга. Двери заклинило, выбраться наружу было невозможно, и прохожие, которые стали невольными свидетелями трагедии, понимали, что трамвай без тормозов, все больше набирая скорость, будет катиться до конца улицы, где рельсы делали крутой поворот.

Так оно и произошло. С диким грохотом трамвай выкатился на площадь.

Отчаянно визжа колесами по рельсам, извергая снопы искр порванными проводами, под крики обезумевших людей он влетел в продовольственный магазин, въехав в него как в депо, и замер.

Когда минут через двадцать подъехали машины скорой помощи и милиция, им открылся итог этого страшного происшествия. Пять человек погибли, двадцать четыре были ранены. Трамвай, превратившийся в металлолом, вытаскивали из магазина тягачами, а сам магазин на два месяца закрылся

на ремонт.

Подобный случай был редкостью, но о нем даже через годы вспоминали ученики средней школы, расположенной на этой же улице. Поэтому на занятия, несмотря на крутой подъем, они часто шли пешком.

* * *

Летний зной накрыл город так плотно, что, казалось, не только людям, но и деревьям дышать стало нечем. Они стояли, покрытые пылью, наклонив к земле длинные ветви с пожухлой листвой. Солнце палило нещадно, и прохожие старались прятаться в тени.

Город считался провинциальным, хотя и был расположен на западе страны, и поэтому нововведения довольно медленно внедрялись в его быт. Это отражалось и на автоматах с питьевой водой, которые одиноко ржавели на перекрестках, а рядом с ними как бы в насмешку выстраивались длинные очереди у киосков, где девушки в фирменных передничках бойко торговали газированной водой.

Прохладней становилось только к вечеру, когда солнце опускалось за крыши невысоких домов. В это время на центральных улицах появлялись модно одетые молодые люди. Юноши в джинсах и светлых футболках ненавязчиво заигрывали с девушками, а юные кокетки стоили им глазки и на призывные возгласы отвечали презрительным смехом.

Все же днем, несмотря на жару, надо было заниматься делом. По узкой улице, круто поднимавшейся вверх, шел выпускник одиннадцатого класса Игорь Меньшов. В свои семнадцать лет он выглядел уже взрослым, был модно одет, тщательно причесан и интеллектом не был обделен.

Он мечтал поскорее закончить школу, рвануть в Москву и поступить на операторский факультет Института кинематографии. Это была не просто маниакальная мечта провинциального юноши, нет. Мечта базировалась на многолетнем опыте занятия фотографией. Меньшов с четырнадцати лет не расставался с аппаратом и репортажно снимал все, что видел. Друзья, смеясь, говорили, что он даже спит с камерой. Шутить, конечно, можно было, но снимал Игорь вполне профессионально. Он отлично чувствовал свет и композицию, а точку съемки тщательно выбирал, стараясь полностью раскрыть содержание кадра.

Его мечта приобрела реальность, когда он получил вызов из Москвы на вступительные экзамены. Это приглашение означало, что комплект фотографий, посланный им в киноинститут, успешно прошел творческий конкурс и пробился сквозь ряды конкурентов.

Ускорив шаг, Игорь подошел к школе. Ее старое здание вмещало всего шесть классов, и поэтому занятия шли по сменам. Малыши учились утром, а старшеклассники начинали занятия после обеда. Одиннадцатый класс «А», в котором учился Меньшов, находился в правом крыле здания, а

одиннадцатый «Б» – в левом. Окна обеих классов располагались напротив друг друга и выходили во двор школы. Традиционная переключка начиналась на большой перемене, когда ребята выстраивались у открытых окон и остроумными, как им казалось, репликами старались привлечь внимание девушек из соседнего класса. К сожалению, ответная реакция была, как правило, отрицательной, и это происходило не по вине девушек, которые и рады были бы подурачиться, – это школьный кодекс не допускал флирта во время занятий.

Открыв массивную дверь, Меньшов вошел в здание. Тишина была непривычна для школы, где обычно слышался детский крик. Это малыши уже закончили занятия, а старшеклассники, сдававшие выпускные экзамены, старались вести себя пристойно. Игорь взбежал по лестнице на второй этаж, подошел к двери своего класса и тут услышал громкий возглас:

– Меньшов!

Он резко повернулся и пошел навстречу девушке, стоявшей у окна.

– Таня, я не был уверен, что встречу тебя, и поэтому пришел без цветов.

– Ах, оставь свои шутки, Игорь, – отмахнулась девушка. – Ты можешь сколько угодно острить, но только после того как сдашь сессию.

– Это будет совсем не просто, так как последний экзамен у нас математика, с которой я не в ладах.

– О, ты такое трепло, что даже на математике вывернешься, – засмеялась Таня, поправляя рукой светлые волосы.

– Красавкина, не забывайся! – Меньшов перестал улыбаться. – Ты думаешь, если мне нравишься, то можешь позволить себе все, что хочешь?

– Нет, я так не думаю, но и ты не задавайся раньше времени, а то носишься со своим ВГИКом как с любимой женщиной. Ты сначала сдай экзамены и поступи в институт, а уж потом будешь гордиться и смотреть на друзей свысока.

– Я не задаюсь и хвост от гордости не распускаю.

– А зачем ты обклеил кабинет директрисы своими фотографиями?

– Она сама попросила, ей мои фотографии нравятся, а ты директора не задевай, она хорошая тетка. Конечно, если бы она еще и характеристику мне написала, то цены бы ей просто не было.

– Вот ты всегда так, – отвернулась к окну Таня, – прежде всего думаешь о себе, а о друзьях вспоминаешь только тогда, когда у тебя возникают проблемы.

– Тут ты не права. Когда у меня трудности, с которыми я не справляюсь, то обращаюсь за советом к моим братьям, – Меньшов как-то неуверенно взял девушку за руку. – На них я могу всегда положиться.

– А я тебя когда-нибудь подвела? Или, быть может, даже предала?

Игорь испуганно поднял руки, как бы отрицая эту ситуа-

цию.

– Мне бы не хотелось, чтобы это случилось, но я скоро уезжаю в Москву, и мы расстаемся на целый месяц. Я буду сдавать экзамены и хочу быть уверенным, что наши отношения не изменятся.

– Мы знакомы уже три года, и я надеюсь, что, несмотря на твой отъезд, все останется как прежде, но мы не дети и должны реально смотреть на вещи, – Татьяна повернулась к Меньшову, и в ее улыбке проскользнула ирония. – Представь себе, что, несмотря на все сложности, ты все-таки поступишь во ВГИК, а я с золотой медалью и родственниками в институте прорвусь в медицинский.

Девушка почувствовала, как сжалась рука Меньшова, он уже знал, что она хочет сказать.

– Конечно же, ты в Москве, а я здесь одна, и притом на долгое время. Я не верю в дружбу на расстоянии, а тем более в любовь.

– Таня, как ты можешь так говорить? Мы ведь уже все решили! Уже через год ты переведешься в Москву, ведь Первый медицинский намного престижней провинциального института. И у нас все будет хорошо!

– А если ты не поступишь? – с сомнением спросила Татьяна. – Ведь тогда от твоего превосходства ничего не останется, так как ВГИК для Меньшова стал целью жизни. Об этом вся школа знает.

– Да, ты права! Поступить в институт для меня сейчас

очень важно, – Игорь заговорил значительно резче. – Конечно, от неудачи никто не застрахован, но девушка, которая предаст в трудную минуту, перестанет для меня существовать.

– И это ты говоришь мне? Выходит, я для тебя уже ничего не значу? Ну что ж, этого следовало ожидать.

Таня повернулась и быстро пошла по коридору к своему классу. Высокая, тонкая, стройная, она была очень красива, и от нее невозможно было оторвать взгляд.

Меньшов, не ожидавший такого эксцесса, взволнованно закричал:

– Красавкина, Татьяна! Вернись, прекрати эту комедию!

Коридор заполнили старшеклассники, и Татьяна, не обратив внимания на возглас Меньшова, скрылась за дверью класса. Настроение у Игоря сразу же испортилось, но он, зная характер Тани и ее вспыльчивость, которая могла быстро смениться раскаянием, надеялся вскоре помириться.

Он вошел в класс, поздоровался с друзьями, затем положил сумку на парту и взглянул на часы. До начала урока еще оставалось десять минут. Не теряя времени, он решил поговорить с директором.

Надежда Васильевна Петрозаводская создала школу на пустом месте, как в прямом, так и в переносном смысле. Она добилась реставрации здания, а затем и ремонта классов. Сама же и организовала набор учащихся. Ей пришлось обойти множество школ города, беседуя с учениками и склоняя их

к переходу в ее новую, но расположенную далеко от центра школу.

Зайдя в кабинет, Игорь поздоровался и робко спросил:

– Надежда Васильевна, могли бы вы уделить мне пять минут?

– Если для дела, Меньшов, то могу, – директриса устало улыбнулась и сняла очки, а Игорь, набравшись смелости, проговорил:

– Мне ребята сказали, что после сдачи выпускных экзаменов нам выдадут альбомы с фотографиями. Это правда?

– Да, на педагогическом совете мы решили обратиться к родителям и собрать деньги на изготовление этих альбомов.

– И в какую сумму обойдется эта затея каждому выпускнику?

– Мы договоримся об этом с родителями, – директор перестала улыбаться и серьезно посмотрела на Меньшова.

– Надежда Васильевна, – торопливо заговорил он, – вы же знаете, что я профессионально занимаюсь фотографией.

– Допустим.

– Поэтому мне бы хотелось провести эту съемку. Я уверен, что справлюсь с заданием не хуже мастеров ателье, а ребята из нашего класса мне помогут.

– Подожди, Меньшов, – Петрозаводская встала из-за стола. – Во-первых, это большая и трудоемкая работа, так как выпускников наберется не меньше ста человек, а во-вторых, мы не можем заплатить тебе деньги, так как ты не государ-

ственная организация. Это ты понимаешь?

– Не надо мне никаких денег! – уверенно сказал Игорь. – Мне будет достаточно того, что я сделаю фотопортреты, необходимые для поступления в институт.

– Ну что ж, Меньшов, ты меня никогда не подводил, – директриса как будто успокоилась. – Надеюсь, что и на этот раз твоя работа будет на должном уровне.

– Я постараюсь, Надежда Васильевна.

Игорь осторожно прикрыл за собой дверь и поспешил возвратиться в класс.

Сегодня предполагалась консультация по математике. Преподавал этот сложный предмет Иван Семенович Козлов, скелетообразного вида человек, которого из-за странной фамилии преследовал комплекс неполноценности. Именно поэтому и для того, чтобы придать себе уверенности, Иван Семенович приносил на урок большую широкую линейку, которой не столько чертил на доске, сколько громко стучал по столу, пытаясь добиться тишины в классе. Единицы и двойки он ставил, несмотря на сложность материала и подготовку учащихся.

Результатом его педагогической деятельности стало то, что многие способные ученики стали уходить на дополнительные занятия к другим педагогам.

Вот и сейчас, открыв дверь, Меньшов увидел много пустующих парт и Ивана Семеновича с линейкой у стола.

– Меньшов, ты как всегда в своем амплуа, – насмешливая

улыбка расцвела на лице Козлова. – У тебя посредственные знания по математике и, как следствие, плохие оценки. Я на твоём месте не стал бы опаздывать на консультацию.

– Я был у Надежды Васильевны, – как бы оправдываясь, сказал Игорь, —

и она дала мне срочное задание.

Иван Семенович перестал улыбаться и уже спокойнее сказал:

– Ну что ж, Меньшов, садись. Надеюсь, что общественные нагрузки не помешают тебе сдать экзамены. Учти: тройка по математике в аттестате зрелости значительно ухудшит твои шансы на поступление в институт.

Неприятный холодок беспокойства шевельнулся в груди, но Игорь собрался и спокойно прошёл к своей парте. Консультация затянулась надолго, так как Козлов старался разъяснить материал, подробно поясняя его примерами.

Игорь подробно записал варианты решения задач, но у него не было уверенности в том, что он сможет самостоятельно справиться с ними на экзамене.

После короткой перемены, на которой Меньшов разглядывал окна 11-го «Б», стараясь увидеть Татьяну, по коридору стремительной походкой прошла преподавательница русской литературы Ирина Сергеевна Победоносцева.

Ее уроки всегда были праздником для учащихся, так как она не только хорошо знала предмет, но и заряжала учеников своей эрудицией и живой непосредственной манерой обще-

ния. Вызывало уважение и то, что центральные издательства регулярно публиковали ее книги, а это уже было событием для провинциальной школы.

Ирина Сергеевна уверенно разобрала материал наиболее трудных билетов и сразу же начала семинар по домашним работам учащихся. Она поправила стилистические ошибки у отличницы Веселовской, сделала замечание хулигану Реутову и обратилась к своему лучшему ученику:

– Меньшов, твое последнее сочинение произвело на меня хорошее впечатление. У тебя, несомненно, есть творческие способности, но их надо постоянно развивать, – Победоносцева с выражением посмотрела на Игоря. – Я бы посоветовала тебе больше читать классиков, только у них можно научиться чистому и красивому русскому языку.

– Ирина Сергеевна, – Меньшов встал из-за парты, – я решил после окончания школы поступать на операторский факультет Института кинематографии и думаю, что мне придется чаще иметь дело с кинокамерой, чем с авторучкой.

– Друзья, то, что я вам сейчас скажу, должен запомнить не только Меньшов, но и все сидящие в классе. Никогда не рассчитывайте на легкий успех, всегда будьте готовы к тому, что жизнь повернется к вам не лучшей стороной. Часто случается так, что мы строим радужные планы, а пустяковый, казалось бы, случай внезапно разбивает их. Поэтому, Игорь, я рекомендую тебе заранее подумать о том, что ты будешь делать, если не сдашь вступительные экзамены.

«Вот ведьма, накаркает еще!» – подумал Меньшов. Настроение у него сразу же испортилось, но он все же решил подождать Татьяну у выхода из школы. Занятия уже закончились, и оживленная толпа старшеклассников высыпала на улицу. Таню в окружении подруг Игорь увидел издали.

– Красавкина! – громко крикнул он.

Татьяна попрощалась с девушками и торопливо пошла навстречу Меньшову.

– Привет! – улыбнулась она, как будто и не было их утренней размолвки. – Отчего ты такой грустный? Тебя кто-нибудь обидел?

– Никто меня не обижал. Главное, чтобы у тебя все было в порядке, а со своими проблемами я как-нибудь сам справлюсь.

– Фу, какая ты злока! Немедленно перестань дуться! Ты ведь сам знаешь, какой у меня скверный характер.

– Да, пора бы к этому привыкнуть, но мне это никак не удается.

Игорь взял Таню за руку, и они быстро перебежали дорогу, ускользнув от потока машин. Проводив девушку домой, Игорь отправился в городскую библиотеку, которая располагалась в центре города. Старинное здание с высокими потолками и ажурной лепниной над окнами, казалось, было специально предназначено для занятий творчеством.

Библиотека располагала большим книжным фондом и пользовалась заслуженным авторитетом. Выбрав по катало-

гу нужные книги, Меньшов с интересом оглядел зал. Здесь было много его знакомых, которые то ли уже учились, то ли готовились к поступлению в институт.

В дальнем углу у окна он увидел Володю Афонина, усердно корпевшего над конспектами.

– Привет, старик, – Меньшов присел рядом и приветливо улыбнулся. – Ты не был сегодня на консультации, а Козлов совершенно озверел и записал всех отсутствующих.

– Да и хрен с ним! – Афонин нехотя оторвался от большого фолианта с гравюрами. – Искусствоведу совсем не обязательно знать математику.

– Ну, если вспомнить Леонардо да Винчи, то он, будучи гением в живописи, отлично разбирался и в других науках.

– Чего не скажешь обо мне! – Афонин снова углубился в чтение.

За окном нещадно палило солнце, прохожие старались держаться в тени, а скопившиеся на светофоре машины нетерпеливо пофыркивали моторами.

Меньшов открыл книгу по теории киноискусства. Чтение увлекло его, и он принялся конспектировать. Часа через два Афонин предложил отдохнуть, и они вышли в коридор. Володя закурил, не предложив Игорю, так как знал, что он занимается спортом и сигареты ему противопоказаны.

– 26 июня у нас последний экзамен по литературе, затем выпускной вечер – и мы на свободе, – Меньшов отодвинулся, чтобы не дышать дымом. – Что ты думаешь делать потом?

– Ты же знаешь, что я отослал документы в Санкт-Петербургскую академию художеств.

– А вызов на вступительные экзамены ты получил?

– Надеюсь, что он придет в конце этой недели и, сдав школьные экзамены, я смогу уехать.

– А как же выпускной бал?

– У меня слишком мало времени на подготовку, и чем раньше я приеду в Питер, тем лучше.

– Но у меня такая же ситуация, – повысил голос Меньшов, – и тем не менее я приду на выпускной вечер, который будет для нас последним в школе.

– Скажи лучше, что боишься оставить Татьяну одну, – Афонин ехидно усмехнулся.

– Если я еще раз это услышу, то тебе придется лечить свою челюсть.

– Ладно, остынь! – Володя выбросил сигарету в урну. – Пойдем в зал, у нас еще много работы.

Выйдя в пять часов вечера из библиотеки, Меньшов набрал номер Красавкиной. Трубку она сняла на четвертом гудке.

– Алло, – услышал он знакомый голос.

– Таня, привет! Я на сегодня отзанимался, а как ты?

– У меня все в порядке, – бодро ответила девушка. – Мама сейчас на работе, а я приготовила вкусный обед. Если хочешь, я тебя накормлю.

– Конечно, я голоден как волк, но дело в том, что я обещал

пораньше вернуться домой.

– Об этом не беспокойся, я сейчас позвоню твоей маме и скажу, что ты должен помочь мне с математикой.

– Я – с математикой, помочь?

– Ну, пускай с литературой, какая разница!

– Как у тебя все просто, девочка. Ну, хорошо, я побежал.

Жди!

Игорь рысью пересек площадь, свернул в переулок и подошел к трамвайной остановке. В громыхающем старом вагоне он проехал три остановки, соскочил на ходу и через пять минут подошел к дому Татьяны. Поднявшись на второй этаж, он нетерпеливо позвонил. Таня открыла дверь и, озорно улыбнувшись, повисла у Меньшова на шее, а он, подхватив ее на руки, пронес в комнату. Квартира была обставлена скромно, но со вкусом: на полу большой пушистый ковер, у окна – раскладной диван, вся правая стена была заставлена полками с книгами, слева стоял телевизор «Сони», а над ним висела модная картина с непонятным содержанием. В центре комнаты возвышался большой круглый стол с четырьмя стульями.

– Присаживайся, кормить тебя буду в комнате, так как на кухне у меня беспорядок.

– А ты разве не поешь со мной?

– Нет, я уже ела и буду только чай пить.

Таня поставила новый диск и выскользнула из комнаты. Игорь подошел к плееру и убавил звук. Татьяна увлекалась

не только поп-музыкой, но и часто слушала классику, сказывалось музыкальное образование, которое она получила по настоянию родителей.

Таня принесла на подносе обед: тарелку куриного бульона с вермишелью, салат и котлеты с жареной картошкой.

– Игорь, ты ешь, а я сейчас принесу чай и варенье.

– Я подожду тебя.

– Можешь не соблюдать правила этикета, так как в квартире мы одни.

Эти слова подействовали на Меньшова как удар током. Они часто гуляли с Таней по городу, загорали летом на берегу озера, но в пустой квартире оказались впервые. Игорь нехотя начал есть, а когда девушка вернулась из кухни, он уже доедал второе.

– Спасибо. Вкусно до невозможности!

– Приятно слышать. Сейчас мы попьем чай, а потом я вымою посуду.

– Могу я тебе помочь?

– Ты у меня в гостях, поэтому хозяйничать буду я.

– А когда ты станешь моей женой, кто будет мыть посуду? – с улыбкой спросил Игорь.

– Посуду в этом случае будешь мыть ты, – озорно засмеялась Таня.

Все-таки Меньшов помог ей убрать со стола, а когда они вернулись в комнату, Татьяна зашторила окна и зажгла настольную лампу. Открыв книжный шкаф, она достала боль-

шой альбом с репродукциями и отдала его Игорю, а сама ушла в спальню, плотно прикрыв за собой дверь.

Меньшов рассматривал репродукции испанских художников, но мысли его были далеки от живописи. Татьяна появилась в домашнем халате с распущенной гривой светлых волос, и легкий запах духов разлился по комнате.

– Понравились тебе испанцы?

– Мне как-то сейчас не до них. Я больше думаю о тебе.

Таня подошла к Игорю и наклонилась над альбомом. Ее халатик слегка распахнулся, обнажив красивую девичью грудь. У Меньшова перехватило дыхание и задрожал голос:

– Таня, сядь, пожалуйста, рядом.

Вздروгнули длинные ресницы, девушка робко взглянула на Игоря и присела на диван. Он обнял ее за плечи, прижал к себе и нежно поцеловал.

– Я люблю тебя, Танюшка!

– Ты это серьезно? – девушка подняла глаза.

– Да, такими вещами не шутят.

Меньшов осторожно расстегнул пуговицы на ее халате.

– Игорь, не надо, я боюсь!

– Меня тоже слегка трясет.

Его рука легла на грудь девушки, и Игорь почувствовал, как бьется ее сердце.

– Будь осторожен, ведь это у нас впервые.

То, что произошло потом, Меньшов запомнил на всю жизнь, хотя пережить ему предстояло еще многое...

Он вернулся домой в девять часов вечера. Вся семья была уже в сборе: отец, резко чеканя фразы, кого-то отчитывал по телефону, мать убирала посуду после ужина, а старший брат Александр, недавно прилетевший из Москвы, смотрел телевизор.

– Привет, сын! – отец положил трубку. – Что у тебя хорошего? Как дела в школе?

– Все в порядке, папа. Хожу на консультации и готовлюсь к экзаменам.

Игорь скинул ветровку, надел домашние тапки и прошел в ванную. Помыв руки, он вернулся к столу.

– Нам позвонила Таня и сказала, что ты будешь у нее, – отец вопросительно посмотрел на сына.

– Да, мы готовились к экзаменам, и она даже накормила меня обедом.

– А ее мать, Валентина Михайловна, была дома?

– Нет, она сегодня дежурит в больнице, – Игорь опустил глаза. Он никогда не обманывал отца, так как не только любил его, но и уважал как человека.

Отец уже много лет работал директором большого промышленного завода, и выдержать его тяжелый взгляд было непросто. Он ничего не сказал, но Игорю стало ясно, что отец понял все.

Старший брат наконец-то оторвался от телевизора и бодро встал с кресла.

– Малыш, я видел твои фотографии. Ты делаешь успехи!

Особенно хороши репортажи и женские портреты. Мои советы не пропали даром!

Игорь смущенно улыбнулся.

– Если будешь так же снимать на экзаменах, то удивишь серьезных преподавателей.

– Саня, но ты же знаешь, что мне надо не только фотографировать, но и сдавать экзамены по пяти предметам.

– Я не понимаю, какие у тебя проблемы? Сразу же после школы со свежими знаниями поступать в институт значительно легче!

– Если бы так.

В комнату, складывая документы в папку, зашел Владимир, средний и самый мудрый брат Игоря.

– Старик, я сегодня заканчиваю расчеты и уже завтра смогу помочь тебе в решении задач.

– Спасибо.

– Ну, если так, то я тоже выберу время и поднатаскаю тебя по теории киноискусства, – Александр вытащил из пачки сигарету и, поигрывая новой зажигалкой, прикурил ее.

«Хорошо, что у меня есть такие братья, – подумал Игорь. – Если бы я был в семье один, мне было бы значительно сложнее».

Закончив хлопоты на кухне, в комнату вошла мать. В халате и домашних тапочках она была совершенно не похожа на профессора медицины.

– Игорек, ты, наверное, голоден? Я сейчас тебя покормлю.

– Нет, мама, спасибо. Я поел у Тани.

– У нее что, общественная столовая? – мама была явно недовольна. – Обедать надо дома.

– Хорошо, я это обязательно учту, – Игорь прошел в ванную, принял душ и, посмотрев новости по телевизору, лег в постель. Усталость навалилась на него давящей тяжестью, и он не заметил, как заснул.

Со следующего дня нагрузки значительно возросли, так как, помимо экзаменов в школе, Игорь начал заниматься с братьями дома. Надо отметить, что требования у них были значительно выше, чем у педагогов в школе. И тем не менее он почти ежедневно встречался с Татьяной. Они целовались в подъезде, запах ее волос пьянил его, и, только расставшись с девушкой, он начинал отсчитывать время до следующей встречи.

Сдав последний экзамен, старшеклассники стали готовиться к выпускному вечеру. Юноши примеряли новые костюмы, а девушки срочно шили нарядные платья. На торжественный вечер все собрались в актовом зале, но не все шло так, как хотелось. Музыка звучала слишком громко, парни, открыв бутылки и пригубив вино, быстро опьянели, кто-то сразу же полез в драку, и девчонки завизжали. Праздника, который бы запомнился, не получилось. Все было как обычно – поднадоевшие мелодии и неуклюже танцующие пары.

Порадовала только поездка на катере по вечерней реке. Дул сильный ветер, в небе ярко сверкал диск луны, холодные

брызги залетали на палубу, и Игорь, обняв Таню, накинул ей куртку на плечи.

Ко дню выдачи аттестата зрелости Меньшов закончил печать фотографий, передал их директору школы, и она раздала альбомы выпускникам.

Теперь все свободное время он тратил на подготовку к вступительным экзаменам, которые должны были начаться через месяц.

Игорь готовился к отъезду в Москву. Татьяна часто приходила к нему домой, нисколько не смущаясь родителей, которые относились к ней по-дружески.

Старшие братья снисходительно улыбались, лишь только слышался звонкий голос Тани:

– Игорь, ты взял с собой рубашки?

– Игорь, надо обязательно прихватить джинсы!

– Игорь, а конспект по искусству ты уже приготовил?

– Игорек, – говорила она, как правило, к вечеру, – пора отдохнуть. Пойдем сегодня в кино?

– Хорошо, пойдем, – нехотя соглашался Меньшов, думая о том, что лучше бы он посмотрел материалы по итальянскому Возрождению.

И вот настал день отъезда. Игорь простился с мамой и братом, а затем вышел с отцом на улицу, где их ожидала Татьяна в нарядном летнем платье. Такси подъехало через несколько минут. Отец сел рядом с водителем, а Игорь с Таней разместились на заднем сидении. Через тридцать минут

они доехали до аэропорта, который располагался недалеко от города.

Довольно быстро пройдя регистрацию, Игорь сдал чемодан в багаж, затем попрощался с отцом и, взглянув на Татьяну, нежно погладил ее волосы.

– Не волнуйся, все будет в порядке. Жди меня, и я скоро вернусь.

В самолете он устроился у окна, пристегнул ремень и постарался расслабиться.

Через несколько минут заработали двигатели, самолет плавно оторвался от земли и, набрав высоту, взял курс на Москву. Внизу промелькнули пригородные дома, извилистая лента реки, а затем все закрыли густые лохматые облака.

Через два с половиной часа Меньшов уже был в аэропорту Внуково. Он позвонил брату, но в трубке прозвучал женский голос, очевидно, это была Вероника, жена старшего брата.

– Здравствуйте, – смутившись, произнес Игорь. – Можно Сашу к телефону?

– Александра сейчас нет дома. А кто говорит?

– Это звонит его младший брат Игорь.

– А, Игорек! – сразу же сменила тон Вероника. – Саша сейчас на съемках, но ты приезжай, мы тебя ждем.

– Спасибо, а как доехать?

– Значит, так, сейчас садись на рейсовый автобус, что идет до аэровокзала. Там возьмешь такси, и езжай прямо на Дмитровское шоссе. Адрес знаешь?

– Да, он у меня записан.

– Ну, тогда до встречи, – и в трубке прозвучали короткие гудки.

– Меньшов взял чемодан, подхватил сумку с хрустальной вазой – подарок родителей семье старшего брата – и, пройдя стеклянные двери, направился к автобусной остановке. Через час комфортабельный «Икарус» привез пассажиров на Ленинградский проспект. Сев в такси и назвав адрес водителю, Игорь, казалось бы, успокоился, но нервное напряжение все-таки не спадало.

Девятиэтажный дом на Дмитровском шоссе он нашел с трудом, так как все дома были похожи друг на друга как близнецы. Поднявшись на последний этаж, Меньшов позвонил в квартиру, металлическая дверь которой была обтянута черным дерматином. Открыла ему Вероника, приветливо улыбнулась и пригласила войти. Позади нее в коридоре маячила толстая неопрятная женщина, вероятно, ее мать.

– Здравствуйте, – негромко сказал Игорь.

– Привет, заходи, – Вероника пропустила его в коридор, попросила снять обувь и только после этого повела в комнату. Меньшов расстегнул сумку, вытащил хрустальную вазу и аккуратно поставил ее на стол.

– Это вам подарок от моих родителей.

– Чего это? – угрюмо спросила теща.

– Мама, это хрустальная ваза. Разве ты не видишь?

– Да, красивая и большая, – подтвердила теща. – Для цве-

тов как раз подойдет. Я поставлю ее у себя, она как раз подходит к моему серванту.

Вероника не успела и рта раскрыть, как Варвара Сидорова, прихватив вазу, скрылась за дверью. Игорь решил не вмешиваться в семейные разборки, но он помнил о том, с каким трудом отец достал эту уникальную вазу. Жена старшего брата решила сгладить неприятную ситуацию:

– Не удивляйся, Игорь, я должна предупредить тебя о том, что моя мама – немного странная женщина.

– Меня это не касается, хотя, признаться, я удивлен, но меня волнует, что скажет по этому поводу Саша. Ведь это он просил привезти вазу.

– Ну и что? – Вероника, казалось, была удивлена. – Подумаешь, ваза! Александр не будет ссориться из-за такого пустика с тещей, а вазу я со временем у нее заберу.

Они прошли на кухню, где хозяйка быстро приготовила еду, накормила Игоря и, сказав, что квартира и телефон в его распоряжении, ушла на работу. Вымыв посуду, Меньшов позвонил в приемную комиссию института и назвал свою фамилию. Секретарь сообщила ему, что приемные экзамены начнутся четвертого июля, но приехать в институт надо заранее, так как назначено собеседование с завкафедрой. Ситуация складывалась непростая. До начала экзаменов оставалось всего четыре дня, а еще надо было выбрать объект для репортажной съемки. Она, вероятней всего, будет проходить на ВДНХ.

Его размышления прервала Варвара Сидоровна. Шумно дыша, она вошла в комнату. На ней был цветастый махровый халат, разошедшийся по швам подмышками.

– Игорь, вот мне интересно знать, привез ли ты с собой деньги?

Наступила пауза. Лицо тещи ничего не выражало.

– Продукты сейчас дорогие, а ты у нас есть будешь каждый день.

Меньшов был озадачен таким вопросом, но спокойно ответил:

– Родители мне дали немного денег, но я не думал, что мне придется тратить их на питание у брата, – затем поспешно добавил: – Но если понадобится, я позвоню домой, и мне вышлют деньги по почте.

– Пока вышлют, пройдет время, а кормить тебя надо сейчас. Давай деньги!

Игорь онемел. В их доме часто гостили родственники, то в одиночку, а то и целыми семьями. Для каждого гостя всегда находился обед и удобная постель.

Гостеприимство входило в традиции семьи, и дети воспитывались в том же духе. К тому же он знал из рассказов брата, что теща хорошо зарабатывает в интернате, где работает воспитателем. Александр за съемки получает приличные гонорары, а Вероника числится в престижной фирме. Семья не бедствовала, и подобной наглости от тещи он не ожидал.

– Варвара Сидоровна, я, конечно же, дам вам деньги, но,

может, мне лучше сразу переехать в общежитие?

– Саша будет этим недоволен, а мне скандалы в доме не нужны, – теща забрала деньги и вышла из комнаты.

Настроение было испорчено, но Игорь все-таки решил поехать в институт.

Он быстро собрался, взял с собой учебники, фотоаппарат и документы. На улице было жарко, ярко светило солнце, пожухлая листва свисала ленивыми гроздьями, и по дороге медленно ползли переполненные троллейбусы. Добравшись с двумя пересадками до ВГИКа, Меньшов зашел на кафедру операторского мастерства, где толпилось множество абитуриентов. Их легко можно было узнать по сумке с аппаратурой, которая болталась у каждого на плече.

«Вероятно, здесь работает приемная комиссия», – подумал Меньшов, стараясь пробиться сквозь толпу. Когда он добрался до 109 аудитории, то увидел высокую девушку с серьезным лицом, которая принимала документы. Он поздоровался и предъявил допуск на экзамены. Наташа, так звали ассистентку, порывшись в бумагах, нашла листок абитуриента и протянула его Меньшову.

– Если ты хорошо сдашь экзамены, тогда получишь студенческий билет.

– Сделаю все возможное! – бодро ответил Игорь.

Он поднялся на второй этаж и зашел в съемочный павильон, где ему предстояло снимать гипс и портрет. Гипс – он гипс и есть, с этим ничего не поделаешь, а вот лицо актера

определяло очень многое. Хорошо снимать молодую красивую девушку, а что делать со старым подвыпившим актером?

Из рассказов бывалых студентов Игорь знал, что актеров выбирают по жребии, и неизвестно, кого ты вытянешь в этой рулетке. Побродив по павильону, он взглянул на осветительные приборы, потрогал шероховатую поверхность фона, как бы примериваясь к предстоящей съемке. Когда он вернулся на кафедру, коридор опустел и Наташа уже заканчивала работу.

– Простите, вы не скажете, кто сейчас декан операторского факультета?

– А зачем вам это знать? – в голосе девушки прозвучали служебные нотки. – С деканом вы познакомитесь после экзаменов, если поступите в институт, а зовут его Баранов Константин Васильевич. Запомнили? Ну, пока.

– До свидания.

Меньшов вышел из института и, задумавшись, остановился.

«В школе Козлов, а в институте Баранов – наваждение какое-то!»

Он позвонил брату и, когда Александр взял трубку, кратко рассказал ему о делах в институте, не забыв упомянуть об эпизоде с Варварой Сидоровной.

– Не переживай, парень. Теща у меня ненормальная, и если бы я обращал внимание на все ее выходки, то давно бы уже сам свихнулся.

– А как же чувство собственного достоинства?

– Не бери в голову! Я с ней как-нибудь разберусь, а ты садись в автобус и езжай ко мне. Вместе поужинаем.

Когда Меньшов приехал к брату, Вероника хлопотала на кухне. В коротком передничке, с хвостом пушистых волос, она выглядела как девочка. На столе дымилась картошка, салат состоял из помидоров и огурцов, а горячие сосиски были разложены по тарелкам.

– Приятного аппетита, мальчики! Я уже поела и пойду смотреть телевизор.

После ужина, убрав посуду, Александр сказал:

– Перед экзаменом у вас будет собеседование с завкафедрой Дубининым. Постарайся запомнить основные пункты его программы.

– Разве он скажет что-то новое? Все его идеи и методы давно известны, он описал их еще тридцать лет назад в своей книге.

– Не скажи, малыш, он человек с головой и свято чтит традиции старой операторской школы.

– Хорошо, брат, я все законспектирую.

Устав за день, Игорь сразу же заснул. Сны, которые ему снились, он обычно не запоминал, но сегодня во сне он увидел Татьяну в летнем платье на фоне зеленого луга. Сзади сверкала лента реки. Действие происходило как бы в замедленной съемке: ветер шевелил ветки деревьев, мягко колебались лепестки цветов, девушка как бы плыла по воздуху,

а за ней неуклюже бежал маленький толстый щенок.

Сон исчез так же внезапно, как и появился. В комнате было уже светло, и сквозь оконные занавески пробивались лучи солнца. Настенные часы пробили восемь. На кухне Вероника гремела посудой, вероятно, готовила завтрак. Меньшов прошел в ванную, почистил зубы и принял душ. Уже в коридоре он поздоровался с братом, а Вероника торопливо проговорила:

– Игорь, ты нас извини, но мы опаздываем на работу, так что завтракать тебе придется одному, – она указала рукой на холодильник. – Продуктов достаточно, я думаю, ты справишься.

Александр похлопал его по плечу и, перед тем как закрыть дверь, серьезно произнес:

– На экзаменах не переживай и сдавай уверенно, но помни, что главное – это удачно провести фотосъемку.

Игорь быстро приготовил яичницу, нарезал помидоры, достал из холодильника пакет с кефиром. Завтрак получился на славу. Вымыв посуду и собрав документы, он отправился в институт. Поднявшись по знакомой лестнице на четвертый этаж, он зашел в библиотеку. Заказав книги по операторскому мастерству, Игорь расположился в тишине читального зала. Перелистывая страницы, он лишь вспоминал материал, так как многие темы были ему знакомы.

Время прошло незаметно, и через пару часов Меньшов спустился на первый этаж, где должна была состояться

встреча с завкафедрой. Аудитория была переполнена. Поняв, что здесь слишком много конкурентов, Игорь двинулся вперед. У одного из парней он передвинул кофр, другого, извинившись, оттер плечом, и уже через несколько минут сел за один из первых столов.

Заведующий кафедрой операторского мастерства Дмитрий Зиновьевич Дубинин, крупный, совершенно лысый мужчина, зашел в аудиторию неспешным шаркающим шагом и заговорил медленно и тягуче:

– Друзья мои, хочу предупредить вас, что вы не первые и не последние мои студенты и все ваши мысли я знаю наперед. Поэтому каждый, кто надеется нечестным путем попасть в институт, может сразу же отправляться домой. А вот те абитуриенты, которые успешно сдадут экзамены, станут, я надеюсь, прилежными студентами, а после окончания института – кинооператорами высшего класса, – завкафедрой сделал небольшую паузу и вытер платком вспотевший лоб.

– Прошу вас также учесть, что вы поступаете в уникальный институт, на операторском факультете которого готовят специалистов мирового уровня, без которых немислимо существование российского кинематографа. О чем бы злопыхатели ни говорили, но оператор все же является главным человеком в кино, благодаря мастерству его съемки зрители видят фильм на экране. Вы должны гордиться своей будущей профессией.

Притихшие абитуриенты не знали, надо ли им аплодиро-

вать, и на всякий случай промолчали. Затем Дубинин кратко изложил основные темы, которые были описаны в его книге, и абитуриенты начали лихорадочно конспектировать. Ничего нового завкафедрой не сказал, но когда речь зашла о том, что кинооператор – это военная профессия, Игорь воспринял это с интересом.

Его дед прошел всю войну, а отец служил в авиации и часто поговаривал о военном училище, но Меньшов твердо решил стать кинооператором, и сейчас со слов Дубинина как бы происходило совмещение желаний отца и сына.

Собеседование продолжалось два часа, и в заключение завкафедрой сказал, что в мастерскую художественного фильма будут приняты по конкурсу десять человек, из которых пять направлены от различных организаций, а вот в мастерскую операторов-журналистов должны были принять пятнадцать человек. Эта мастерская открывалась впервые, и многое в программе обучения еще не было утверждено.

Абитуриенты высыпали в коридор и дружно задымили. Игорь стоял у двери опустевшей аудитории, думая о том, в какую мастерскую поступать. Он уже давно решил стать оператором художественного фильма, но конкурс в эту мастерскую был настолько велик, что невольно возникала мысль о журналистике.

Мимо, торопясь, прошла ассистентка Наташа. Меньшов окликнул ее и подошел к девушке. Преодолевая смущение, он спросил:

– Простите, вы не скажете, кто будет вести мастерскую художественного фильма?

– Профессор Каменцев Игорь Витальевич, – на секунду задержавшись, ответила Наташа. – Прекрасный мастер и замечательный человек!

– Спасибо, – Меньшов вышел на улицу, ненадолго задумался, а затем быстро пошел к автобусной остановке. Он окончательно решил стать оператором художественного фильма.

Через два дня начались вступительные экзамены. Первой была назначена фотосъемка в павильоне. Игорю вопреки желанию досталась по жребию пожилая актриса. Внешность у нее была ничем не примечательная, и даже правильные черты лица не могли скрыть внутреннего напряжения.

– Не волнуйтесь, пожалуйста! – спокойно сказал Меньшов, вынимая камеру из кофра. – Вы так напряжены, как будто это ваша первая съемка в жизни.

– Конечно же, не первая, – улыбнулась актриса, – но дело в том, что я всегда плохо выхожу на фотографиях, а именно сейчас мне необходимы хорошие снимки, – она слегка покраснела. – Мне предлагают одну из главных ролей на «Мосфильме».

– Не знаю, как роль, но хорошие фотографии я вам гарантирую, – Меньшов тщательно закрепил камеру на штативе. – Вам просто необходимо расслабиться и как можно естественней улыбнуться.

Он расставил осветительные приборы, замерил освещенность и начал снимать актрису в фас и в профиль, но самые удачные кадры получились при съемке в три четверти, так называемый «Труакар».

Времени на изменение света катастрофически не хватало, и Меньшов, поблагодарив актрису, взялся за съемку гипса. Скульптурный портрет философа Сенеки был известен в мире искусства не только своими реалистическими чертами, но и объемно-пластической формой. Фотографу, который владел мастерством светописи и композиционными приемами, снимать его было удобно.

Продумав различные варианты и выбрав оптимальную схему, Игорь направил на плоскость фона резкий луч света. Времени на съемку оставалось совсем мало, и он, решив не экспериментировать, начал снимать. Он менял ракурсы съемки, крупность объекта и расположение осветительных приборов. Когда съемка закончилась, Игорь почувствовал, что сильно устал. Выключив свет и разобрав аппаратуру, он спустился в лабораторию, которая располагалась в подвале.

Несколько абитуриентов уже там работали, и Меньшов, получив раствор проявителя, присоединился к ним. Обработка шла в полной темноте, так как фотобачки выдавали без крышек. Игорь проявил пробу и, оценив на свету плотность негатива, начал проявку основной пленки.

Когда он фиксировал негатив, кто-то включил свет в лаборатории. Абитуриенты дружно заорали, стараясь закрыть

собой бачки от света, но, к сожалению, у многих пленка оказалась засвеченной. Как объяснил ему потом Александр, таким образом наиболее подлые из абитуриентов уменьшали число своих конкурентов. Виновного так и не нашли!

Сдав пленку на сушку, Меньшов поехал к брату. Вероника была дома и, пригласив его на кухню, предложила поужинать. Весь день Игорь ничего не ел и без стеснения согласился. Хозяйка выставила на стол продукты, а сама ушла в комнату смотреть телевизор. Поев и вымыв посуду, Игорь раскрыл блокнот и попытался составить план репортажной съемки. Она намечалась на ВДНХ под открытым небом. Конечным результатом должна была стать серия снимков, объединенных одной темой. Снимать мороженщиц и девушек с собачками не рекомендовалось, так как эта тема преобладала в работах нескольких поколений абитуриентов. Меньшов решил разыграть актерскую сцену и снять ее репортажно, как в жизни.

На следующий день выглянуло солнце, и уже с утра стало жарко. Игорь надел тенниску и джинсы, сложил фотоаппаратуру в кофр и вышел из дому. Старший брат с женой еще спали. Добравшись до института, Меньшов зашел на кафедру, получил пленку для съемки, зарядил камеру и направился в сторону ВДНХ. Кофр с аппаратурой оттягивал плечо, а в руках он нес тяжелый штатив.

Подойдя к центральному входу выставки, Игорь стал искать помощников, которые могли бы выступить в качестве

актеров. Спустя двадцать минут он увидел парня и девушку, которые подошли к билетной кассе. Парень был высокий и худощавый, а девушка – маленькая и полная. Наклонившись, он что-то говорил ей, а девушка, смеясь, отстранялась, и улыбка очень шла к ее милому лицу.

– Простите, – обратился Меньшов к парню, – могли бы вы мне помочь в репортажной съемке?

– Один или с девушкой? – спросил парень, разглядывая фотокамеру в руках Игоря.

– Хотелось бы, чтобы вы были вместе! Возьмите билеты, я их оплачу и подожду вас у центрального входа.

– Ой, как здорово! – воскликнула девушка.

Минут через десять они втроем прошли на выставку. Игорь коротко объяснил план предстоящей съемки. Это должна была быть серия снимков о том, как молодые люди проводят выходной день на ВДНХ. Они гуляют, осматривают павильоны, а фотограф на расстоянии, не мешая им, снимает. Получался как бы живой репортаж, результаты которого еще трудно было предугадать.

– Ну что ж, начнем! – бодро сказал Меньшов, заметив, что девушка перестала смеяться и вопросительно смотрит на него.

– А фотографии вы нам сделаете? – она откинула упрямую челку.

– Конечно, после окончания экзаменов я напечатаю их для вас.

– И сколько это будет стоить?

– Я сделаю фотографии для вас бесплатно, только их еще надо сначала снять. Поэтому давайте работать, и постарайтесь забыть, что я вас снимаю.

Меньшов проверил камеру, и съемка началась. О том, что их снимают, Сергей и Наташа, так звали молодых людей, забыли уже через полчаса. Они побывали во многих павильонах, посмотрели выставленные экспонаты, позировали художникам и, наслаждаясь, ели мороженое. В павильоне «Космос», который поражал своими размерами, Сергей попытался влезть на космический корабль, а Наташа с трудом его удержала. В одном из павильонов молодые люди увидели образцы новых автомобилей и стали о чем-то шептаться.

Меньшов сделал еще несколько снимков и подошел к ним.

– А как будет выглядеть твой свадебный подарок? – лукаво улыбаясь, спросила девушка.

– Выбирай любую из этих машин! – бодро ответил юноша, и они оба засмеялись.

Игорь попытался вмешаться в разговор:

– Я вам очень признателен, но мы еще должны снять несколько кадров на натуре.

Когда они вышли на улицу, солнце уже клонилось к верхушкам деревьев. Меньшов поменял оптику и сделал несколько завершающих кадров, где парень и девушка, взявшись за руки, уходят с ВДНХ, а навстречу им светит вечернее солнце.

В тот же день, проявив пленку в лаборатории, Игорь убедился, что негатив в порядке, и это подняло ему настроение. Печать фотографий была назначена на следующий день, а сегодня можно было отдохнуть.

Меньшов позвонил брату и, убедившись, что он дома, поехал на Дмитровское шоссе.

– Как дела, малыш? – спросил Александр, удобно устроившись на диване.

Игорь рассказал о репортажной съемке и наткнулся на удивленный взгляд старшего брата.

– Не думай, что ты снял что-то оригинальное. Этим приемом пользовались многие абитуриенты и даже специально приглашали профессиональных актеров, – Александр попытался закурить, но, увидев осуждающий взгляд жены, погасил сигарету. – Все дело в результате, а как ты его добился, никого не интересует.

– И что же, по-твоему, чем лучше комплект фотографий, тем выше результат на творческом конкурсе?

– Не совсем так. Необходимо представить не только хорошие снимки, но и суметь отстоять свою позицию на собеседовании у профессора.

– Я постараюсь!

– Добиться композиционного единства комплекта фотографий довольно сложно, так как у профессора Каменцева свой особый взгляд на искусство.

– Но я же прочел все его книги и в принципе знаю, что

ему нравится и чего он хочет от абитуриента.

– Этого мало. Разговор может выйти за рамки фотографии и коснуться истории искусства.

– И в этой области я неплохо подготовлен.

– Смотри, Игорь, собеседование с профессором – это самый сложный для тебя экзамен. Запомни также, что если тебе снизят оценку на одном из экзаменов, это значительно ухудшит твои шансы на поступление в институт.

Этой ночью Игорь долго не мог заснуть, и тревожные мысли не давали ему покоя, но тем не менее утром он сделал зарядку, принял душ и, позавтракав, отправился в институт.

У входа в лабораторию толпилось много абитуриентов, и Меньшову пришлось отстоять очередь, чтобы получить пленку, бумагу и фотоувеличитель.

Найдя место в темной лаборатории, он начал работать. Волнения не было, так как печать фотографий всегда доставляла ему удовольствие. Снимки выходили четкие и контрастные благодаря сложной системе фотопроб, которую он разработал на собственном опыте.

Напечатав два портрета актрисы, два снимка гипса и семь репортажных фотографий с выставки, Игорь начал их проявлять. Боясь засветки, он не отходил от кюветы со снимками, пока они не были готовы. И только подписав фотографии и сдав их на сушку, он успокоился.

Для лучшего изобразительного эффекта он решил наклеить снимки на белое паспарту, раздобыть которое можно

было только в переплетной мастерской. Туда-то Меньшов и направился. Переплетчик дядя Вася работал в институте с незапамятных времен, и многие известные режиссеры, операторы и сценаристы, уже получившие звание «заслуженных», помнили, как, будучи студентами, обращались к нему за помощью.

Дядя Вася переплетал отчеты о съемках, курсовые и дипломные работы, дневники практических занятий, сценарии и раритетные книги, кандидатские диссертации и комплекты редких фотографий. Человек он был безотказный, но любивший выпить, и поэтому всегда требовал гонорар за свою работу.

Меньшов зашел в переплетную и негромко поздоровался. Дядя Вася неспешно отошел от большого винтового пресса, вытер тряпкой ладони и спросил:

– Чем могу быть полезен, молодой человек?

– Мне бы фотографии наклеить на белое паспарту.

– Они у вас с собой?

– Нет, фотографии сейчас в лаборатории, но завтра утром я могу их вам принести.

– Вот вместе с фотографиями и приходи, заодно обрежем все лишнее.

Игорь поблагодарил переплетчика и направился к деканату операторского факультета, на двери которого было вывешено расписание вступительных экзаменов. Первой была назначена теория фотографии, затем физика, собеседование

с руководителем мастерской, сочинение, русский язык и литература, а последним в списке был указан экзамен по истории.

Только перечисление всех экзаменов могло здорово испортить настроение. Зачисление в институт в случае удачи было назначено на двадцать шестое июля. Переписав расписание в блокнот, Меньшов вышел на улицу. Главное, как он считал, уже было сделано: фотографии, которые он снял на экзамене, смотрелись профессионально и, что особенно важно, соответствовали его снимкам, присланным на творческий конкурс.

Игорь сел на троллейбус, взял билет и доехал до метро. На проспекте Мира находилось почтовое отделение с пунктом междугородней телефонной связи. Заказав разговор, Игорь зашел в кабину, глубоко вздохнул и набрал знакомый номер.

– Алло, – привычно ответила Татьяна.

– Танюшка, это я!

– Ой, Игорек, привет! – бодро откликнулась девушка. – А я уж думала, что ты меня забыл.

– Не говори глупостей! Ты ведь знаешь, что дороже тебя у меня никого нет!

– Игорь, а у меня новость. Вчера позвонил твой отец и сказал, что собирается в Москву. Интересовался, не хочу ли я что-нибудь тебе передать.

– Передавать ничего не надо, спасибо. А когда отец прилетает?

– Сказал, что недели через две.

– Спасибо, Таня. А что у тебя нового?

– У меня все по-прежнему: готовлюсь к экзаменам, они начнутся второго августа, а если появляется свободное время, хожу плавать в бассейн.

– С кем? – жестко спросил Меньшов.

– С подругами, конечно, не буду же я одна ходить. Погода у нас замечательная.

– В Москве тоже жарко.

– А у тебя что нового? Как экзамены? – в голосе девушки промелькнула тревога.

– Я закончил фотосъемку и через два дня сдаю теорию фотографии. Хотелось бы прорваться без четверок.

– Желаю тебе удачи, родной!

– До встречи, Танюха! Береги себя.

– Пока, – и в трубке прозвучали короткие гудки.

Игорь поехал к брату и два дня не выходил из квартиры, готовясь к экзаменам по физике и теории фотографии. Короткие перерывы на еду и легкая разминка в парке только способствовали учебе. Конечно же, здорово помогали конспекты, подготовленные дома в течение года.

* * *

После разговора с Меньшовым Татьяна не только порадовалась, но и загрустила. То, что у Игоря все складывается

хорошо, замечательно. Он возвращается в круговороте вступительных экзаменов, стремится поступить в один из лучших вузов страны, а у нее пока одна серятина. Да, она готовится к экзаменам в медицинский институт, и это требует усидчивости, но на улице жара, ярко светит солнце, и больше всего хочется загорать и плавать.

Жаль, что Игоря нет рядом, обычно они вместе ходили в бассейн. Родители к этому привыкли и были за нее спокойны. Теперь же, когда верного рыцаря рядом нет, придется обращаться к подругам. Таня подошла к зеркалу, распустила волосы и, критически осмотрев себя, набрала номер Вики.

Виктория Жаботинская была ее самой лучшей подругой. С первого до последнего класса они сидели за одной партой, делились девичьими секретами, обсуждали наряды учительниц и вместе писали записки мальчишкам. Полная, но стройная Вика всегда пользовалась успехом у старшеклассников, но, как ни странно, любимого парня себе не нашла. И когда Красавкина всерьез закрутила с Игорем Меншовым, она отдалилась от подруги.

Но сейчас Татьяна осталась одна и, ни минуты не раздумывая, позвонила Виктории.

– Привет, подруга!

– Привет, Танюшка! Сколько лет, сколько зим! Как у тебя дела?

– В общем-то неплохо, готовлюсь к экзаменам в институт, а в свободное время одна прозябаю.

– Чего так?

– Игорь уехал на экзамены в Москву. А ты сама как?

– О, у меня все клево! – Вика кокетливо засмеялась. – От парней отбоя нет!

– Ты, как всегда, в любовных играх. Смотри не залети, подруга!

– Не бойсь, Танюха, прорвемся! А у нас новости: Петр и Мишка, ну, ты же помнишь, это высокие ребята из соседнего класса, подали документы в военно-морское училище.

– Да ты что? Из нашей провинции, где вода только в кране, и на море? Невероятно!

– Представь себе, парни уверены в поступлении. У Мишки старший брат уже служит в Севастополе. Вот он его за собой и тянет. Романтика!

Таня решила прервать восторженную речь подруги, так как было ясно, что она равнодушна к ребятам.

– Вика, на улице жара, не смотаться ли нам в бассейн?

– Ну, ты прямо ясновидящая. Петр час назад звонил и предложил поехать на Динамо, это конечная остановка первого трамвая. Там сегодня недорогие билеты. Ты пойдешь?

– Да, конечно.

– Встречаемся на остановке. Возьми с собой полотенце и фирменный купальник.

В трубке раздались гудки, и Таня невольно улыбнулась. Жизнерадостный оптимизм подруги просто завораживал. Пора было собираться. Она уложила в сумку пляжное оде-

яло, взяла махровое полотенце и темные фирменные очки. Надев купальник, мини-юбку и полупрозрачную блузку, она решила перед выходом позвонить на работу маме.

– Здравствуйте. Позовите, пожалуйста, доктора Красавкину, – и после паузы: – Мам, привет! Это я. Мы решили с Викой смотаться в бассейн. Да, я уже поела и крем от загара взяла. Все, пока, целую.

На улице было жарко, и Татьяна, стараясь держаться в тени, быстрым шагом пошла к остановке.

* * *

Экзамен по теории фотографии прошел без затруднений. Меньшов зашел в аудиторию одним из первых и взял билет под номером четыре. Ответы на вопросы он знал и решил отвечать без подготовки, чем немало удивил преподавателей. На три дополнительных вопроса, заданных для проверки знаний, он ответил без запинки. Получив оценку «отлично», Игорь в приподнятом настроении поехал домой. Надо было готовиться к экзамену по физике, повторить пройденный материал и попытаться решить наиболее трудные задачи. Старший брат уехал в командировку, Вероника почти целый день была на работе, и если Варвара Сидоровна не мешала, то можно было спокойно заниматься.

Экзамен по физике принимал доцент Суржиков, небрежно одетый, с перхотью на пиджаке, но обладавший поистине

феноменальными знаниями.

Меньшову достался седьмой билет, в котором электричество соседствовало с оптикой, а задача была по формуле движения крыла в воздушном потоке. Игорь с благодарностью вспомнил уроки брата Володи, который научил его решать задачи по физике, а ответы на теоретические вопросы он и сам знал неплохо.

После десяти минут подготовки Меньшов вышел отвечать. Доцент Суржиков, не ожидавший такой прыти, сухо спросил:

– Вы готовы?

– Да, – Игорь старался говорить спокойно.

– Ну что ж, пожалуй, начнем.

И начал он с того, что забрал у Меньшова конспект, который тот подготовил для ответа. Игорь растерялся, но затем взял себя в руки и постарался ответить как можно лучше. Подробно остановившись на теоретических вопросах, он блеснул затем оригинальным решением задачи.

Суржиков слушал абитуриента, не перебивая, а за решение задачи даже похвалил, но потом стал задавать такие каверзные вопросы, что Игорь почувствовал, как взмокла рубашка от пота. Тем не менее отвечал он четко, иногда даже упреждая вопросы экзаменатора, но опытный глаз доцента заметил, как напряжен абитуриент.

Он заглянул в его экзаменационный лист, увидел отличную оценку и решил не препятствовать парню в поступле-

нии. Меньшов вылетел из аудитории как на крыльях. Толпа абитуриентов обступила его.

– Ну как? Какой билет? Много ли дополнительных вопросов?

– Все в порядке, ребята! Доцент не придирается, но списывать не дает, —

он на прощанье взмахнул рукой. – Всем привет!

Спускаясь бегом по лестнице, он налетел на высокого седого мужчину с папкой в руках.

– Что случилось, молодой человек?

– Простите, ничего срочного, все в порядке. Я случайно!

В этот момент Меньшов увидел Наташу, ассистентку кафедры, которая недовольно покачивала головой.

– Профессор, это абитуриент Меньшов. Он сдает вступительные экзамены на операторский факультет.

– И каковы ваши успехи, молодой человек? – профессор был хмур, но говорил без строгости в голосе. – Я этим интересуюсь, так как вы поступаете на мой курс.

Меньшов уже понял, что перед ним руководитель мастерской профессор Каменцев, и вынул из папки экзаменационный лист.

Профессор взглянул на отметки и удовлетворенно кивнул.

– Похвально, молодой человек, сдаете вы отменно, но должен предупредить, что основной экзамен у вас еще впереди.

– Я это знаю и серьезно готовлюсь к собеседованию, —

Меньшов немного приободрился.

– А как обстоят дела с комплектом фотографий?

– Портреты в павильоне и репортаж на натуре я уже снял, насколько хорошо, решать будете вы.

– Все ясно. До встречи!

Профессор и Наташа ушли на кафедру, а Игорь теперь уже шагом направился в лабораторию. Здесь он получил свои фотографии и отнес их в переплетную мастерскую. Дядя Вася встретил его приветливо, как старого знакомого. Он выбрал белые паспарту подходящего размера и в течение получаса наклеил на них фотографии. Меньшов рассчитался и отнес готовый комплект на кафедру операторского мастерства.

Затем он поднялся в библиотеку и заказал книги по истории искусства. Хотелось припомнить самые известные картины Эрмитажа и Третьяковской галереи. Он читал долго, подробно конспектируя даты и имена. Вечер наступил незаметно, и Игорь вышел в коридор, чтобы позвонить брату.

– Саня, привет! У меня хорошие новости: две отличные оценки!

– Молодец, парень! Так держать! Ты, кстати, где сейчас?

– В институте.

– Садись на автобус и езжай ко мне. Вика приготовила вкусный ужин, а после еды мы поговорим.

Игорь сдал книги, попрощался с миловидной библиотекаршей и вышел из института. К вечеру жара спала, но воз-

дух был еще теплый. Резкий запах сирени смешивался с выхлопными газами многочисленных машин. Легкий ветерок еле слышно шевелил ветками деревьев. Дышалось легко, и хорошее настроение соответствовало вечернему покою.

Добравшись до дома, Меньшов поужинал с братом, а затем они обсудили ситуацию на экзаменах.

– Я так перепугался, когда столкнулся с профессором Каменцевым, – взволнованно говорил Игорь, – думал, что пропал.

– Ты еще хорошо отделался, – с усмешкой заметил брат. – Бывало, что и с экзамена за резвость выгоняли.

– Кошмар!

– Но есть и положительный момент в этом столкновении, ведь Игорь Витальевич уже тебя запомнил.

Александр взял чашку кофе, удобно устроился в кресле и попытался объяснить суть коллоквиума, который являлся основным предметом на вступительных экзаменах.

– Желательно, чтобы ты получил две отличные оценки по мастерству: одну за комплект фотографий, а вторую за общий уровень знаний в области искусства, театра и кино.

– Мне кажется, я к этому готов, – откликнулся Игорь. – Необходимо только еще раз повторить материал.

– Не торопись! – остановил его Александр. – Две отличные оценки, если ты их получишь, будут означать только то, что профессор Каменцев согласен принять тебя в свою мастерскую, но если ты после этого срежешься на одном из об-

специализированных предметов, прощения тебе не будет.

– Саня, честно говоря, мне бы не хотелось повторять твой опыт, поступая в институт четыре года подряд.

– К сожалению, на операторский факультет ВГИКа редко кто проходит с первого раза.

Эти неприятные слова запомнились Меньшову, и настроение сразу же испортилось. Вероятно, это отразилось на его лице, так как Александр попытался сгладить ситуацию:

– Не отчаивайся, малыш! Просто в жизни надо быть готовым к неудачам и спокойно воспринимать их.

Через день Меньшов отправился в институт сдавать коллоквиум. У дверей сто девятой аудитории абитуриентов заметно поубавилось, так как те, кто срезался на первых двух экзаменах, уже отправились по домам. Игорь протиснулся к двери и одним из первых зашел в аудиторию. За столом, накрытым красной скатертью, сидел профессор Каменцев, ассистентка Наташа и еще двое серьезных мужчин, как оказалось, преподавателей мастерской.

В этот раз Меньшов не сразу пошел отвечать, а дождался, когда один из абитуриентов явно провалит экзамен, и только после этого вызвался отвечать.

Его логика была простой: ни один уважающий себя преподаватель не поставит подряд две отличные оценки, а после срезавшегося абитуриента его шансы значительно возрастали.

Игорь поздоровался и предъявил свой экзаменационный

лист. Наташа выложила на стол его комплект фотографий. Здесь были снимки, присланные на творческий конкурс, и те, которые были сделаны на экзамене в институте.

– Скажите, Меньшов, – спросил профессор Каменцев, рассмотрев комплект фотографий, – чем вы руководствовались, делая эти снимки?

Он смотрел на абитуриента поверх очков не злобно, а скорее доброжелательно.

– Мне хотелось показать в своих репортажных снимках жизнь такой, какая она есть, без прикрас и натяжек.

Меньшов говорил напряженно, стараясь сдержать волнение.

– Судя по вашим снимкам, жизнь – это сплошной праздник! – профессор стал перебирать фотографии, тасуя их как карты. – Вот молодежь гуляет по парку, тут дети на санках летят с горы, здесь спортивные соревнования и даже поцелуй молодоженов на свадьбе, а это что такое?

– Это служба в польском костеле. Я попытался снять людей в контровом свете, – Игорь от смущения боялся поднять глаза.

– А почему вы так робко говорите? Снимок действительно замечательный, снят он в репортажной манере и по свету очень хорош. Вот только одна бабуся упрямо смотрит в объектив.

– Хорошо, что только одна, – вдруг осмелел Меньшов. – Если бы они все обратили на меня внимание, то меня бы

просто вынесли из церкви.

– О да! – согласился Каменцев. – В основу нашей профессии заложена доля риска.

Он стал снова перекладывать фотографии и удовлетворенно заметил:

– А вот наконец-то и производственная тематика. Скажите, Меньшов, что вы хотели показать, снимая эти фото?

Игорь приободрился, расправил грудь и уже почти раскованно сказал:

– Эти репортажные фотографии я снимал на автобусном заводе. Здесь и сборочный конвейер, и кузнечный цех, и зона отдыха.

– А как вы попали на завод? – уже заинтересованно спросил профессор.

– Наш класс проходил там практику, а я не только работал, но и снимал.

– Расскажите подробнее о технической стороне съемки, – вступил в разговор один из преподавателей.

– Зеркальная фотокамера с длиннофокусной оптикой, высокочувствительная пленка, форсированный режим обработки.

Преподаватели удовлетворенно переглянулись, но тем не менее последовал новый вопрос.

– Как по-вашему, чем отличается павильонная съемка от серии фотографий, снятых вами на натуре?

Меньшов ответил, не раздумывая:

– Снимки, сделанные в павильоне, это прежде всего работа с искусственным светом, а на натуре мы получаем изображение за счет естественного освещения.

Вероятно, ответ Меньшова удовлетворил преподавателя, так как следующие вопросы уже не касались фотографий, а были заданы профессором из области изобразительных искусств.

Его интересовали знания абитуриента о собрании картин Эрмитажа и Третьяковской галереи. Игорь без труда называл автора и год написания картины, а также творческое направление, к которому он принадлежал. Большим подспорьем в ответах оказались те книги по искусству, которые он долго штудировал в библиотеке.

Беседа продолжалась еще минут двадцать, но по выражению лица профессора Меньшов понял, что чаша весов склоняется в его сторону. И когда второй педагог задал традиционный вопрос о лучшем фильме, в руках профессора Каменцева уже блеснул золотым пером темно-вишневый «Паркер».

– Я могу судить только о фильмах, которые сам посмотрел, – Игорь постарался скрыть смущение, – но особенно важно то, по какому критерию оценивать лучшую картину.

– Оценивайте с точки зрения операторской работы, – подсказал профессор.

– Я бы назвал картины «Судьба человека» и «Баллада о солдате». Для них характерна не только профессиональная режиссура Бондарчука и Чухрая, но и блестящая оператор-

ская работа.

– Достаточно, – сказал Каменцев и четко написал в экзаменационном листке Меньшова: «Фотография – «отлично», собеседование – «отлично»».

– Желаю успехов, молодой человек. Надеюсь, что мы встретимся с вами в начале учебного года.

– Мне бы этого очень хотелось, – Меньшов раскраснелся и не смог сдержать счастливой улыбки.

Он вышел из аудитории, пробился сквозь толпу абитуриентов, перепрыгнул через несколько ступенек и, включив мобильник, позвонил брату.

– Привет, Саня! Можешь меня поздравить, двадцать баллов из двадцати!

– Молодец, я рад за тебя! Осталось всего-то ничего – сдать три общеобразовательных предмета. Я надеюсь, что ты доведешь это дело до конца.

Меньшов действительно дошел до конца, но какой ценой и с каким результатом...

Экзамен по русскому языку и литературе он сдал на «отлично», продемонстрировав знание не только классических, но и современных произведений русской литературы.

Следующим экзаменом была история России, единственный предмет, который нравился Меньшову в школе. Он отвечал без запинки, и отличная оценка показала, что подготовка к экзамену не прошла даром.

И вот наконец последний экзамен – сочинение. Меньшов

выбрал свободную тему, так как она затрагивала вопросы искусства. Писать он старался простыми предложениями, четко выражая свои мысли. Все сочинение уместилось на трех стандартных страницах, где Игорь попытался рассказать о портретной живописи Третьяковской галереи. Слово «галерея» встречалось в сочинении девять раз, и во всех случаях Меньшов написал это слово с двумя «л» в середине. У него даже не возникло сомнения в том, что это слово может писаться иначе.

Оценку «хорошо», которую ему поставили за сочинение, Игорь воспринял болезненно, но в душе теплилась надежда, что еще не все потеряно. Он заглянул на кафедру, чтобы узнать, сколько абитуриентов набрали 34 балла. Оказалось, что таких набралось пять человек и еще одна девушка, у которой было 35 баллов из тридцати пяти возможных.

«С девушкой все ясно, она вне конкуренции, – подумал Меньшов, – а вот кто-то из шести кандидатов окажется не у дел. Решать все будет приемная комиссия».

Зачисление абитуриентов в институт было назначено на двадцать шестое июля, причем для всех факультетов одновременно.

* * *

Отец прилетел в Москву, как всегда, неожиданно. Игорь увидел его в вестибюле института и, торопясь, пошел на-

встречу. Отец не любил сентиментальностей, но сейчас прижал сына к себе.

– Папа, ты прямо с самолета?

– Да, решил тебя навестить. Когда у тебя намечается зачисление?

– Через несколько дней, и я не знаю, как их пережить.

Страшно волнуюсь.

– Да брось ты! Это же не самое главное в жизни.

– Если меня зачислят в институт, я буду считать, что цель жизни достигнута.

– Цель жизни нельзя определить в восемнадцать лет. Ты сам поймешь это, когда станешь старше.

– Хорошо, я согласен с тобой, но все же поступление в институт сейчас для меня самое главное.

– Вероятней всего, да, – отец на минуту задумался. – Теперь, чтобы сменить обстановку, я предлагаю поехать со мной.

– Я думаю, что ехать домой к Саше не имеет смысла. Там сейчас командует теща, и, чтобы не испортить себе настроение, надо от нее держаться подальше.

– Не рассуждай, парень, а слушайся старших. Сейчас мы возьмем такси и поедem в гостиницу «Националь», там заодно и пообедаем.

– Предложение принято, – улыбнулся Игорь, и они с отцом вышли из института.

День выдался солнечный и жаркий. Большинство горожан

уехали на дачи, но город все равно не казался безлюдным. На стоянке у «Туриста» несколько такси ожидали пассажиров. Договорившись с водителем и назвав адрес, они сели в машину.

– Как дела дома, папа? – Игорь казался невозмутимым, но голос выдавал его волнение.

– У нас все в порядке, мама целыми днями работает, устает, но за тебя переживает.

– Я понимаю и сделаю все возможное, чтобы она была спокойна.

– Для того чтобы немного отвлечь ее, я принес в дом котенка.

– Вот здорово! А как назвали?

– Не мудрствуя лукаво, Максом. Он такой разбойник, носится по полу и дерет обои, но в то же время ласковый и ужасно смешной. Забот с ним, правда, много, но красив, мерзавец, и радости от него больше, чем вреда.

– А какого цвета? – поинтересовался Игорь.

– Темно-серый, с белым пятнышком на груди. Знающие люди говорят, что это известная английская порода, а вот что из него вырастет, мы еще поглядим.

– Будем надеяться, что котенок принесет в дом удачу, – Игорь улыбнулся, но улыбка получилась какой-то грустной.

Они вышли из такси на Тверской и прошли к гостинице «Националь». Она располагалась в центре Москвы, и из ее окон был виден Кремль. Как только они вошли в ресторан,

к ним подошел официант и проводил к свободному столу. Тотчас же им подали меню в кожаном переплете и карту вин. Отец заказал фирменный обед, красное рейнское вино и коньяк.

– Не думай, что я приучаю тебя к спиртному. Нет, просто я устал с дороги, а у тебя сегодня особенный день. Возможно, многое решится в твоей жизни.

– Я надеюсь на лучшее, – Игорь натянуто улыбнулся.

Официант принес и аккуратно расставил тарелки с едой. Отец наполнил рюмки и, ободряюще улыбнувшись, сказал:

– Выпьем за твои успехи, сын. Будь молодцом, держи удар, но не огорчайся в случае неудачи. Жизнь на этом не кончается.

– У меня высокие баллы и фотографии одни из лучших на курсе, – запальчиво произнес Игорь и залпом выпил коньяк.

Спиртное остро резануло горло, и он, хватая воздух, открыл рот.

– Ну ты боец, – улыбнулся отец. – Закуси-ка, – он протянул сыну бутерброд с красной икрой.

Немного отдышавшись, Игорь принялся за борщ. Он был действительно хорош, но все-таки мама готовила его лучше. Отец ел, как всегда, неторопливо, изредка подливая себе коньяк, а Игорь решил от спиртного воздержаться. После обеда, расплатившись, они поднялись на лифте в номер, в котором остановился отец. Игорь скинул ветровку, расстегнул рубашку и приоткрыл окно. Шторы от ветра выгнулись пару-

сом. Красная площадь и Кремль были видны как на ладони.

– Вид просто замечательный! – воскликнул Меньшов.

– Да, сейчас здесь красиво, – согласился отец, – но я помню Москву во время войны. Дома и улицы выглядели по-другому, все было покрыто снегом, действовало круглосуточное затемнение, было опасно и страшно, но я все равно с тоской вспоминаю то время, ведь мы были молодыми, и, казалось, все лучшее у нас впереди.

– Тебя можно понять, у каждого поколения свое звездное время, которое запоминается на всю жизнь.

Игорь снял рубашку и направился в ванную. Он принял душ, накинул белый халат и устало опустился в кресло. Отец взглянул на него и сказал:

– Тебе надо отдохнуть, сын. Оставайся на ночь, выпишься, а я договорюсь с администрацией.

– Хорошо, я согласен, только разбуди меня в семь утра. Мне бы не хотелось опоздать на зачисление.

Игорь заснул сразу же, как только голова коснулась подушки, и в тот же миг, как ему показалось, отец разбудил его. Он стоял у кровати подтянутый и свежевыбритый.

– Доброе утро, студент!

– Привет, папа. Я еще, к сожалению, не студент, но сегодня все станет ясно.

Игорь быстро оделся, побрился и спросил:

– Где мы сегодня завтракаем?

– В кафе! – откликнулся отец, повязывая галстук у зерка-

ла. – Там с утра подают горячую выпечку и очень приличный кофе. Я сегодня буду весь день в министерстве, но после работы могу заехать за тобой в институт.

– Нет, папа, спасибо. Я освобожусь значительно раньше и сразу же поеду к брату.

– В таком случае встретимся у него вечером.

После завтрака они вышли из гостиницы на улицу. Летний зной, казалось, висел в воздухе, и даже в тени было жарко. О том, чтобы перейти на солнечную сторону улицы, не могло быть и речи. У пешеходного перехода они простились. Отец направился к стоянке такси, а Игорь спустился ко входу в метро.

* * *

– В вестибюле института стоял необычный гул, так как здесь собрались абитуриенты всех факультетов, сдавшие вступительные экзамены. Зачисление во ВГИК проходило иначе, чем в другие институты Москвы. Здесь не вывешивали традиционные списки счастливых, а вызывали каждого претендента на собеседование в кабинет ректора. В ректорате собрались не только члены приемной комиссии и профессора ведущих кафедр, но и представители киностудий, которые пытались распознать в юных дарованиях будущих мастеров кино.

Меньшов протиснулся в коридор первого этажа, миновал

стайку хорошеньких актрис, внимательно пригляделся к будущим режиссерам, поздоровался со знакомым художником и встал у стены как раз напротив кабинета ректора.

Ровно в десять часов секретарь приемной комиссии начала вызывать абитуриентов на зачисление. Первыми пошли кандидаты в режиссеры. Даже в начале творческой карьеры студентов стали приучать к субординации. Затем стали вызывать экономистов, это будущие администраторы и директора фильмов, за ними актеров, потом художников и наконец-то операторов.

На каждый факультет, учитывая специфику института, принималось по конкурсу от десяти до пятнадцати человек. К ним прибавлялись студенты-иностранцы и направленные от специальных организаций. На курсе в среднем занималось до двадцати человек, не прошедшие по конкурсу готовились к поступлению в следующем году или находились в творческом поиске.

Когда на зачисление стали вызывать абитуриентов операторского факультета, Меньшов напрягся как зверь перед прыжком. Первым прошел Гена Струпицын, серьезный, немногословный, уже повидавший жизнь человек. За ним Толя Семенов, высокий худой парень, а вслед за ним Витя Переверзев – веселый балагур и остряк.

Но вот дверь распахнулась, и секретарша, невысокая полная женщина с очками на кончике носа, громко произнесла:
– Меньшов!

Игорь уже два часа ждал этого слова, а когда услышал его, то не сразу понял, к кому оно обращено.

– Игорь Меньшов! – еще громче повторила секретарша. В ее голосе прозвучало нетерпение.

– Я здесь! – отозвался Меньшов и сам не узнал своего голоса.

Он резко оттолкнулся от стены, протиснулся между спинами двух высоких парней и предстал перед секретаршей.

– Ну что же вы, молодой человек, – с укоризной сказала она, – заставляете себя ждать. Проходите!

Игорь вошел в приемную, открыл массивную дверь и сразу же оказался перед комиссией. За широким столом сидел ректор Иван Петрович Добряков, держа в руках объемистую папку с документами. Его лицо было знакомо Меньшову по фотографии, висевшей в коридоре института. Рядом находился профессор Каменцев и декан операторского факультета. Остальные лица слились для Меньшова в сплошное напряженное пятно, и когда раздался негромкий, но властный голос ректора, он еще не успел прийти в себя.

– Скажите, Меньшов, что вас привело в наш институт? – спросил Добряков, вопросительно взглянув на абитуриента. – Почему вы решили стать кинооператором?

Игорь, стараясь смотреть только на ректора, четко произнес:

– Я уже несколько лет занимаюсь фотографией, мои снимки публиковались в журнале, и я участвовал в региональной

выставке. Мне нравится снимать, а различие между фото- и кинокамерой не так уж и велико, – Меньшов, казалось, осмелел и заговорил увереннее: – Как большинство мальчишек, я с детства любил ходить в кино и старался не пропускать новые фильмы.

– Но почему-то не все мальчишки поступают в институт кинематографии, – едко заметил ректор.

– Решение о поступлении на операторский факультет ВГИКа я принял самостоятельно, – как бы не замечая иронии ректора, ответил Меньшов.

Профессор Каменцев, убедившись, что ректор взял паузу, заинтересованно спросил:

– Я бы хотел знать, какой творческий профиль интересуется вас в киноискусстве?

– Мне наиболее близка профессия оператора художественного фильма, – не задумываясь, ответил Игорь.

Профессор удовлетворенно кивнул и тут же занялся какими-то бумагами, разложенными на столе. Далее Меньшову были заданы несколько второстепенных вопросов, и в заключение ректор Добряков сказал:

– Спасибо, молодой человек, мы вас выслушали, а теперь подождите в коридоре. Решение приемной комиссии вам сообщит секретарь.

Игорь, страшно волнуясь, попрощался и вышел из кабинета. Он, казалось, не замечал, что происходит вокруг. Вот стали вызывать на зачисление других абитуриентов. Неко-

которые из них имели не только хорошие оценки, но и производственный стаж, что увеличивало шансы на поступление. Предчувствие неудачи уже не покидало его, и, когда абитуриенты стали расходиться, он несмело вошел в приемную.

– Простите, – обратился он к секретарше, которая сосредоточенно глядела на экран монитора, – вы не скажете, какое решение приняла комиссия?

Она оторвалась от экрана, поправила очки и строго ответила:

– Вы не прошли по конкурсу, Меньшов, но приемная комиссия, учитывая хорошую подготовку к экзаменам, рекомендует вам поступать в следующем году.

Это известие его оглушило, он не чувствовал ни рук, ни ног, ни головы. Ничего не сказав, Меньшов повернулся и на негнущихся ногах вышел в коридор.

Жить не хотелось!

Недавно шумные коридоры института уже опустели, и только уборщицы мокрыми тряпками смахивали пыль. Игорь вышел на улицу, залитую солнечным светом. Стояла нестерпимая жара. Он медленно дошел до автобусной остановки, но, почувствовав себя плохо, решил взять такси.

У перекрестка мелькнул зеленый огонек, и шофер, резко затормозив, весело спросил:

– Куда рулить, парнишка?

– На Дмитровское шоссе, – вяло отозвался Меньшов, усаживаясь рядом с водителем.

Он не мог привыкнуть к развязности и лихачеству столичных таксистов, работавших по принципу «еду не туда, куда надо клиенту, а куда сам захочу». Но уже через полчаса Игорь был доставлен по адресу и подошел к знакомому многоэтажному дому. Дверь ему открыл отец и, взглянув на сына, все сразу же понял. Они молча прошли в комнату, отец закурил, а Игорь тяжело, как старик, опустился на диван. В комнату влетела Вероника и тотчас же зашебетала:

– Привет, Игорек! Ну что, тебя можно поздравить?

– Нет! – резко ответил Меньшов. – Меня не приняли в институт, – и, взглянув на отца, просительно добавил: – Мне бы сигарету сейчас, а?

Отец протянул ему пачку «Мальборо», а Вероника робко спросила:

– Может, дать тебе таблетку «Седуксена»? Все ж полегче станет.

– Спасибо, но с моими проблемами я постараюсь справиться сам.

Меньшов закурил и грустно уставился в пол. Отец, стараясь разрядить обстановку, достал из кармана запечатанный конверт и протянул его сыну.

– Игорь, прочти, это письмо от Тани.

Он благодарно улыбнулся и разорвал конверт. Письмо было написано знакомым аккуратным почерком, и к нему прилагалась фотография Татьяны с букетом цветов в руках. Она была снята на фоне городского фонтана в летнем платье и

выглядела очень красивой. Игорь перевернул снимок и прочел: «Люблю, жду. Возвращайся с победой».

В письме подробно описывалось, как Таня готовится к поступлению в институт, что ест, что пьет и как проводит свободное время. В письме не содержалось ничего нового, и оно показалось Меньшову необязательным. Он бросил его на стол.

– Как проходило зачисление? – негромко спросил отец.

Игорь старался говорить спокойно, но у него это плохо получалось.

– В кабинете ректора было много людей, и я, честно говоря, растерялся. Мне задавали вопросы, и я вроде бы нормально отвечал, а затем меня попросили подождать в коридоре, и на этом все закончилось.

– Не падай духом, сын! В жизни всякое бывает: и плохое, и хорошее, на то она и жизнь.

– Мне от этого не легче, папа.

Вероника, как радушная хозяйка, пригласила всех к столу. Обед удался на славу, и после еды жизнь уже не казалась такой мрачной, а когда отец предложил завтра же улететь домой, Игорь с облегчением согласился.

Родной город встретил их прохладным дождем. Игорь издали увидел знакомую фигурку Татьяны, и у него заметно потеплело на душе.

«До чего же милое создание! – улыбнувшись, подумал он. – И одета просто как куколка».

Таня, увидев Меньшова, вырвалась из толпы встречающих, бросилась вперед и повисла у него на шее. От нее так пахло духами, что у Игоря закружилась голова.

– Ты только сейчас ничего не рассказывай, – прошептала она, целуя его в щеку. – Как-нибудь в другой раз, но только не сейчас.

– Хорошо, – согласился Игорь и повернулся к отцу. – Мы возьмем такси?

– В этом нет необходимости, – отец снова почувствовал себя руководителем. – Машина уже ждет нас.

И действительно, серый служебный Passat, круто развернувшись, подъехал к ним. Отец открыл переднюю дверцу, поздоровался с водителем и сказал:

– Сначала отвезем детей домой, а потом на завод.

Игорь и Таня расположились на заднем сидении, и машина, быстро набирая скорость, понеслась к городу. Он взял ее за руку, а она сделала вид, что не заметила этого.

– А у меня хорошие новости, – девушка поправила выбившуюся прядь волос. – Я подала документы в институт и, в общем-то, готова к экзаменам.

– Желаю, Танюшка, чтобы тебе повезло и ты стала студенткой. Будешь украшением медицинского института.

– Дело не только в везении, – засмеялась Татьяна. – Просто нужна хорошая подготовка.

Машина ворвалась в перекрестье городских улиц и, немного сбавив скорость, поехала к центру. По обеим сторо-

нам дороги теснились небольшие дома, дачные участки утопали в зелени городского парка, а поближе к центру выстроились белоснежные массивы новостроек.

– Простите за беспокойство, молодые люди, – отец повернулся к ним. – Мы, конечно же, обсудим все на семейном совете, но мое мнение я выскажу сейчас же, – он приоткрыл окно, как будто ему не хватало воздуха. – До следующего лета еще много времени, и я считаю, что Игорь должен пойти работать. И ни в какую-то блатную контору, а ко мне на завод. Там у меня такие ребята, что быстро из тебя человека сделают!

– Я так понимаю, папа, что пост начальника цеха ты мне не предлагаешь?

– Правильно мыслишь, сын, и я думаю, что начать ты должен слесарем-прибористом в сборочном цехе.

– Но это же тяжелая и грязная работа, – возмутилась Таня, как бы незаметно освобождаясь от рук Игоря.

– Ничего, мой сын справится, – уверенно сказал отец. – Я начинал подсобным рабочим, а стал начальником производства.

Машина подъехала к дому, и, когда все вышли, Татьяна вдруг заторопилась.

– Меня родители ждут, Игорь, – расстроено сказала она. – Я обещала вернуться в шесть, а сейчас уже около семи. Сам понимаешь.

– Да, конечно, Танюшка, иди. Я позвоню тебе вечером, –

Меньшов как-то по-новому взглянул на девушку.

Когда Таня ушла, Игорь с сожалением сказал:

– Этого следовало ожидать.

– Не беспокойся, парень, – отец положил ему руку на плечо, – она еще вернется.

Через неделю после оформления документов в отделе кадров Меньшов начал работать в сборочном цехе завода. Цех поражал не только своими гигантскими размерами, грохотом прессов и жаром печей, но и сплоченностью коллектива. У конвейера работали в основном молодые люди, так что особой разницы в возрасте он не чувствовал.

Заканчивая школу, Игорь на практике получил третий производственный разряд, с которым его и приняли на работу. В бригаде было восемь парней и две девушки, но, несмотря на молодежный состав, бригада считалась холостяцкой. Молодежь активно флиртовала, но о свадьбе пока никто не заговаривал, и даже бригадир Николай Иванович Строгожин, высокий широкоплечий мужик, еще не был женат.

Влиться в коллектив Меньшову было непросто, но благодаря своему упорству он добился признания, и ему стали доверять ответственные задания. Так как с мастерами он не спорил и от работы не отлынивал, нареканий на него не было.

В первые дни на конвейере было очень сложно. Крепить детали приходилось в считанные минуты, от визга электродрели гудела голова, и даже ненадолго присесть не было ни-

какой возможности. К концу смены Игорь уставал так, что с трудом добирался до дома. Но со временем усталость стала проходить, уступая место профессиональному мастерству. Работой он был доволен, а когда получил первую зарплату, то был удивлен, что так много начислили. В перерыве к нему подошел бригадир Строгожин и серьезно сказал:

– Значит, так, Игорь, у нас в бригаде сложилась традиция: с первой зарплаты – подарок родителям. Так что не подкачай!

– Все понял, Николай Иванович, сразу же после работы я рвану за подарком.

Закончив смену и приняв душ, Меньшов отправился по магазинам. Отцу он купил новую электробритву, маме – флакон французских духов, а затем мимоходом заглянул в ювелирный магазин. Здесь он увидел золотые сережки, которые так нравились Татьяне. Они не виделись уже три недели, а разговоры по телефону сводились только к экзаменам и оценкам, которые получала Таня.

«Неужели все так и закончится? – с сожалением подумал Игорь. – Ведь мы любили друг друга, но, кажется, наши пути расходятся».

На серьги денег явно не хватало, и, не особенно расстроившись, Меньшов отправился домой. Отмечая первую зарплату сына, отец выставил на стол бутылку французского вина и, как бы не замечая укоризненного взгляда матери, провозгласил тост:

– Я поздравляю тебя, Игорь, с первой зарплатой и предлагаю выпить не только за твои трудовые успехи, но и за то, чтобы ты всегда оставался человеком!

– Постараюсь! – Игорь поднял рюмку, и в это время зазвонил телефон.

Трубку взяла мама.

– Здравствуй, Таня. Да, конечно, я сейчас его позову.

Игорь подошел к телефону.

– Поздравь меня! – весело сказала девушка. – Я поступила в медицинский институт!

«Теперь пропасть между нами станет еще глубже», – с горечью подумал Меньшов.

– Игорь, куда ты пропал? – окликнула его Татьяна, стараясь прервать затянувшуюся паузу.

– Поздравляю тебя, Танюшка, ты как всегда на высоте.

– Я хочу, чтобы мы сегодня встретились! – твердо заявила девушка.

– Уж не для того ли, чтобы пропить мою первую зарплату?

– О, это хороший повод! – подтвердила Таня. – Я сейчас приеду, – и положила трубку.

Игорь встретил ее у подъезда. Татьяна была одета в фирменные джинсы и полупрозрачную кофточку. Длинные светлые волосы прядями распались по плечам. У Игоря перехватило дыхание.

– Ты прелестна как богиня! – он поцеловал ей руку.

– Вечно ты со своими комплиментами, – капризно сказала

девушка, но все-таки мило улыбнулась.

Они поднялись в квартиру, где отец уже по второму заходу наполнял рюмки. Таня села за стол рядом с Игорем, и отец, стараясь не глядеть на мать, провозгласил:

– Теперь у нас двойной повод выпить: мы отмечаем первую зарплату Игоря и поступление Татьяны в институт.

За столом было шумно, весело и непринужденно, как в прежние времена.

С этого дня они вновь стали встречаться каждый день. Это был какой-то запой любви. Они гуляли, не разнимая рук, загорали вместе на озере и плавали в бассейне. Даже когда наступила осень и стало холодно, Игорь уговорил Таню поехать на рыбалку. Рыбак он был никакой, и эта рыбалка запомнилась им надолго, так как Меньшов, стараясь подцепить ускользающую рыбу, рухнул в холодную воду.

* * *

Повестка из военкомата пришла неожиданно, и Меньшов как бы сразу спустился с небес на землю. Медицинскую комиссию он прошел еще зимой, и вызов в военкомат мог означать только одно – призыв на службу в армию.

Игорь прежде всего позвонил бригадиру, объяснил ситуацию и предупредил, что не выйдет сегодня на работу, а затем, собравшись с духом, позвонил Татьяне. В трубке долгое время раздавались гудки, и он подумал, что девушки нет до-

ма, но вдруг услышал ее голос.

– Алло! – как-то весело сказала она.

– Привет, Танюшка!

– Здравствуй, Игорь.

– Рад тебя слышать, малышка.

– Что-то голос у тебя печальный.

– Дело в том, что у меня неприятное известие.

– И какое же? Ты можешь сказать, в чем дело?

– Я получил повестку. Вероятней всего, это призыв в армию. Завтра в десять утра я должен быть в военкомате.

– Ничего себе известие! Игорь, ты не переживай, может, все еще обойдется. Я весь день буду дома, и ты, как освободишься, сразу же приезжай ко мне.

– Хорошо, – вяло проговорил Меньшов, – я приеду, но настроение у меня скверное. Просто кошки скребут на душе.

– Как говорила моя бабушка: «Раздели беду с друзьями – и твоя беда и не беда совсем». Ясно?

– Все понял. До завтра, Таня.

Игорь оставил повестку на столе, чтобы родители могли ее увидеть, затем вымылся, почистил зубы и пораньше лег спать. Сильно болела голова, и нервозность не проходила. Всю ночь он крутился с боку на бок, часто вставал попить воды и только утром, приняв душ, почувствовал себя лучше.

На завтрак мама приготовила яичницу с колбасой, салат из помидоров и поджаренный хлеб. Игорь с удовольствием поел, выпил чашку горячего кофе, быстро оделся и собрался

уходить. В комнату, повязывая галстук, зашел отец.

– В армии не так уж и плохо. Дисциплина, порядок, регулярное питание. И войны никакой сейчас нет.

– Войны нет, а ребята гибнут, – тут же встряла мама.

– Так и под машинами люди погибают, а если парень с головой, то и в армии не пропадет.

– Ну, это если голова здоровая, а у Игоря болит периодически. Мушки перед глазами бегают? – обратилась она к сыну.

– Да какие мушки, мама! Подумаешь, голова болит. Пробегу кросс – и все пройдет.

– Ладно, хватит вам спорить, – отец собрался на работу. – После военкомата позвони, чтобы мама не волновалась, – и, уже открыв дверь, добавил: – Держись молодцом и в обиду себя не давай!

Игорь поднялся, накинул куртку и, прихватив документы, вышел из дому.

Глава 2

Институт

Жизнь Татьяны после поступления в институт резко изменилась, нет, она просто стала бить ключом. И дело не только в том, что школьные уроки сменили лекции известных профессоров, а вместо математики стали преподавать анатомию. Главное изменение заключалось в том, что вместо детской влюбленности одноклассников на нее стали заглядываться не только студенты, но и преподаватели. Она была красива, стройна и привлекательна, а ее лицо часто озарялось приветливой улыбкой.

Если подруги приглашали Таню сходить после лекций в клуб или на дискотеку, она никогда не отказывалась, но откровенно дерзкие ухаживания поклонников отвергала, вспоминая Меньшова, его лицо, крепкие руки и почти святую преданность ей.

Когда Игорь уехал на экзамены в Москву, она не скучала, времени на это просто не хватало: готовилась к экзаменам и занималась в библиотеке. Вихрь новой жизни буквально захватил ее, но Игорь вернулся, не поступив в институт и это заметно разделило их в социальной градации. Их отношения стали более напряженными, но затем как бы снова восстановились. Конечно, уже не было той детской привязанности,

которая так помогала им, но сохранились близкие отношения двух взрослых людей, которые уважают друг друга.

Таня легко вошла в студенческий круг медицинского института. Ей нравились почти все предметы, которые им преподавали. Она с увлечением слушала лекции по биологии, без страха входила в анатомичку и только общественные предметы вынуждена была зубрить. Ее красота и точеная фигурка привлекали внимание однокурсников. Приглашения следовали одно за другим:

– Таня, у меня два билета в театр на заезжих гастролеров, пойдём? – застенчиво спрашивал Миша Крылов.

– Танюш, ты знаешь, это такой кайф – послушать рок-группу из Англии, мне папаша билеты подкинул, – Петр Мельников буквально раздевал ее глазами.

А когда в перерыве за ее столик в столовой садился преподаватель философии Марк Шутовский и, гипнотизируя выпуклыми глазами, начинал рассуждать о всемирной глобализации, Татьяне становилось дурно. Но постепенно все встало на свои места: случайные поклонники отпали, любители легкого секса переключились на более доступных девочек, а шустрых преподавателей у выхода из института ожидали располневшие жены.

Татьяна делала маникюр, когда позвонил Игорь. Его звонок и повестка в военкомат – все это было так некстати и выбивало Таню из привычного ритма жизни. Можно было, конечно, поговорить с мамой, все-таки к мнению заведеле-

нием районной больницы, кому надо, прислушаются, но, подумав, она решила не вмешиваться.

«Игорь – взрослый человек и должен понимать, что два года в армии – это напрасно потерянное время. У него своя голова на плечах, вот пусть сам и разбирается».

* * *

До военкомата Игорь доехал на трамвае, на ходу соскочил с подножки и оказался перед старым кирпичным зданием, окруженным высоким забором.

У дверей собралась толпа призывников. Все как один курили, трювили бородатые анекдоты и старались держаться как можно уверенней.

– Эй, шкет, сопли подотри! – обратился здоровенный бугай к маленькому невзрачному пареньку.

– Отстань от него, Вася, – попытался образумить здоровяка худенький интеллигентный парнишка.

– Заткнись, скрипач, а то вместе с ним парашу драить будешь, – распалился Василий, который еще до призыва чувствовал себя старшим.

Дверь военкомата резко открылась, и на пороге появился полный майор с папкой в руках.

– Что тут за шум у вас, призывники? Кто выясняет отношения?

– Да вот, товарищ майор, навожу порядок среди новобран-

цев, – уже спокойнее пояснил Василий.

Майор внимательно посмотрел на него.

– Порядок поддерживать надо, но разводить дедовщину незачем, – он оглядел притихших призывников. – Кто с по-
весткой на девять часов, подойдите ко мне.

Меньшов вместе с несколькими призывниками протис-
нулся к двери, сзади напирал неугомонный Василий. Майор
прошел внутрь здания, и ребята потянулись за ним. Они под-
нялись на второй этаж, и майор жестом показал на стулья.

– Вызывать будем по одному. Ждите!

– А чего ждать-то? – возник Василий. – Щас ать-два – и
вперед!

– Да угомонись ты, в конце концов! – не выдержал
Игорь. – Орешь как псих ненормальный.

– Кто псих? Я псих? – взорвался бугай. – Да я тебе щас
пасть порву!

Он схватил Игоря за рубашку, дернул на себя, но Игорь
резко ударил его по рукам, и завязалась потасовка. На шум
тут же прибежали два здоровенных сержанта и растащили
дерущихся. В приоткрытую дверь выглянул майор.

– Ты чего, Рябчиков, опять хулиганишь?! Давно в психуш-
ке не был?

– А мне что психушка, что тюрьма – все одно! Хоть сей-
час сажайте, все равно сбегу! – в запале выкрикнул раскрас-
невшийся Василий.

– Щас как врежу! – тут же возник сержант.

– А ну смирно! – выкрикнул майор. – Чтоб тишина была. Меньшов, пройдите в кабинет.

Игорь отряхнулся, поправил рубашку и вошел в кабинет. Он успел заметить двух женщин за столами и худого мужчину в белом халате. Потом сильно заболела голова, перед глазами все замелькало, а ноги ослабели настолько, что он тихо опустился на пол.

– Эй, ты что? – воскликнула секретарь, приподнявшись из-за стола.

– Вот только еще симулянта нам не хватало! – резко сказал врач.

Нет, Игорь не терял сознание, он слышал все голоса, но видел только лампочку, которая свисала на проводе с потолка. Врач присел около него, оттянул веко, попытался нащупать пульс и громко сказал:

– Света, дайте нашатырь и вызовите скорую. Похоже, ему действительно плохо.

* * *

Где он находится и сколько прошло времени, Меньшов понять не мог. Было темно, в коридоре за стеклянной дверью горела лампочка. Он лежал на кровати, к правой руке спускался шланг капельницы, а слева кто-то громко храпел.

«Похоже, что я в больнице, – тоскливо подумал Игорь. – Вот так попал!»

Спать не хотелось, болела голова, а встать сил не было. Часа через два начало светать, послышался скрип открываемой двери, и в палате включили свет. Появилась медсестра в белом халате с кокетливой шапочкой на голове. Она подошла к кровати Меньшова, отключила систему и громко сказала:

– Всем доброе утро, пора вставать. Застелите постели, сходите в туалет и умойтесь. У нас сегодня будет обход.

Сестричка сразу же упорхнула за дверь, и Игорь ничего не успел спросить.

Справа с большим трудом сполз с кровати толстый дядька. Его лицо покраснело от напряжения.

– Простите, вы не скажете, где я?

– Как это где?! В неврологии. Тебя вчера по скорой привезли. Что-то вкололи, потом капельницу поставили, вот ты и заснул.

– А поговорить с врачом можно?

– Обход будет – и поговоришь!

Игорь попытался сесть на кровати, но снова закружилась голова, и все вокруг поплыло.

«А как же в туалет?» – мелькнула мысль.

Как бы в ответ на это открылась дверь и появилась толстая санитарка с судном в руке.

– Меньшов, тебе не велено вставать, подними попу, все дела будешь делать в кровати.

– Да вы что, я сам, мне бы только до туалета дойти.

– Сказано лежать – значит, лежать, а то привяжу к кровати, мне это недолго.

Пришлось подчиниться, затем сестра протерла ему руки гигиенической салфеткой и только после этого принесла завтрак. Когда начался обход, все больные встали у своих кроватей, только Меньшов лежал. В палату вошли врачи и сестра с журналом назначений. Они по очереди беседовали с каждым больным и наконец подошли к кровати Меньшова.

– Как самочувствие, молодой человек? – спросил его седой врач, очевидно, завотделением.

– Спасибо, хорошо, вот только голова немного кружится.

– Мне кажется, что не все хорошо, – вступил в разговор худощавый врач, который осматривал Игоря в военкомате. – Давление повышенное, учащенный пульс, тремор и сильное потоотделение. Голова болит?

– Да, к сожалению.

Врачи о чем-то поговорили между собой, и старший обратился сестре:

– Компьютерную томографию, энцефалограмму, общий анализ крови и мочи. Срочно!

– Доктор, мне бы домой поскорее. Родители волнуются.

– Да, да, конечно, – скороговоркой проговорил врач и перешел к следующему больному.

То, что его выписывать не собираются, Игорю стало понятно через несколько дней, когда после обследования к нему в палату зашел лечащий врач Синельников.

– Не хочу вас расстраивать, Меньшов, но результаты анализов у вас не блестящие. Будем лечиться, и прошу вас неукоснительно выполнять все медицинские предписания.

– И как скоро домой?

– А это уже зависит не только от врачей, но и от вашего желания выздороветь. Так что старайтесь! Я надеюсь, что все у вас будет хорошо! – и доктор Синельников вышел из палаты.

Потянулись томительные дни пребывания в больнице: после завтрака прием таблеток, затем капельница часа на два, а после обеда массаж и физиотерапия. Ужин, как правило, начинался в шесть часов и плавно переходил в просмотр телевизора, но уже через пару часов свет в палате выключался. Спал Игорь плохо, так как его постоянно одолевали тревожные мысли.

Родители, сильно волнуясь, приходили по выходным дням. Мама приносила в кастрюльке куриный бульон и домашние вкусности, но аппетита не было. Сильно болела голова, и настроение было хуже некуда. Мама подолгу беседовала с лечащим врачом и возвращалась в палату с заплаканными глазами.

Недели через две Игорю разрешили выходить в коридор, а в теплые дни – гулять в парке рядом с больницей. Однажды во время прогулки Меньшов увидел старого знакомого. Василий Рябчиков неспешно прогуливался по аллее, и синяя больничная пижама смотрелась на нем как костюм на обе-

зьяне.

– Привет, – Василий протянул здоровенную лапу.

– Ты как здесь оказался? – Игорь пожал ему руку. – Я думал, что ты уже в армии маршируешь.

– Да вот, засунули, гады, в психосоматику. Говорят, буйный, вкололи аминазин, привязали к кровати. Две недели как бобик в палате сидел, сегодня первый день на прогулке.

– А ты что, действительно буйный?

– Да какой там, кузнец я. В цеху всю жизнь вкалываю, а меня в пехоту, землю копать. Вот я и возмутился.

– Ну, нельзя же так резко!

– Да, я немного погорячился, но теперь уже буду спокойнее.

Они шли по аллее парка, окруженной высокими зелеными деревьями. Сквозь листву пробивались солнечные лучи, играя зайчиками на асфальте. Выздоровливающие прогуливались по дорожке, лентой окружавшей больничные корпуса, но в двенадцать часов сестры попросили всех вернуться в палаты. На следующий день Игорю назначили лечебную физкультуру и инъекции витаминов.

– Ну, раз колем витамины, значит, на поправку идешь, – со знанием дела сказала медсестра Наташа, полная грудастая блондинка, уже давно работающая в больнице.

– Что-то я этого не чувствую, – грустно признался Меньшов. – Настроение плохое, голова болит, и есть не хочется.

– А девку тебе хочется? – игриво спросила Наташа, при-

поднимая могучую грудь.

– Это смотря какую. Вот моя ненаглядная уже две недели не приходит и не звонит даже!

– Может, заболела, потому и не показывается. Ты не переживай, все будет в шоколаде.

Наташа аккуратно сделала укол, прижала ранку ватой и, выпроваживая Игоря из процедурной, громко крикнула:

– Следующий!

* * *

Но Татьяна, к счастью, не болела, а наоборот, очень даже хорошо себя чувствовала. А как может быть иначе, если она в это время загорала на морском побережье Испании в нескольких километрах от Барселоны? Она прилетела сюда неделю назад. Все произошло быстро и неожиданно, мама по знакомству заказала в турбюро отель, папа оплатил перелет, и Таня стала готовиться к поездке.

Соседом в самолете оказался очень симпатичный молодой человек, ну, честно говоря, не очень молодой: Николаю Привалову исполнилось тридцать пять, он был заместителем руководителя фирмы и, по мнению Валентины Михайловны, матери Тани, очень подходил ей в друзья.

Они легко познакомились, всю дорогу обсуждали столичные новости и отдыхать должны были в одном отеле. То, что их номера оказались рядом, Таню совершенно не смутило.

Николай был хорошо воспитан, учтиво говорил комплименты, не задумываясь, тратил деньги, а в свободное время занимался фитнесом в спортзале.

Тане он понравился, они с утра до вечера были вместе, и поцелуй в парке у фонтана случился как бы сам по себе.

«Что-то я не то делаю, – мелькнула шальная мысль, – вроде бы я замуж за Игоря собиралась», – но мысль промелькнула, и Таня тут же забыла ее.

Ночь они провели вместе, а наутро проснулись в одной постели. Николай оказался хорошим опытным любовником. Он был ласковым, нежным и в меру агрессивным. Хорошо знал, что может понравиться женщине, а от чего следует воздержаться. В общем, Таня осталась довольна, и счастливая улыбка не сходила с ее лица.

Через две недели они прилетели домой и, как ни странно, продолжали встречаться. Николай часто после работы заходил к ним поужинать, подолгу беседовал с родителями и совершенно околдовал их. С отцом он говорил об авиации, предсказывая значительный прогресс, а с Валентиной Михайловной обсуждал распущенные нравы современной молодежи.

Так уж произошло, что через два месяца, за время которых Таня ни разу не позвонила Игорю, Николай Привалов сделал ей предложение, и она с радостью согласилась стать его женой. Родители были довольны, а Таня просто счастлива, так как с ее женскими делами начались неполадки, и в

том, что беременна, она уже почти не сомневалась.

* * *

Лечебная физкультура давалась Меньшову легко, он свободно делал приседания, наклоны и повороты, а затем с разрешения лечащего врача начал бегать кросс вокруг больницы. Настроение улучшилось, голова не болела, и, когда он упал без сознания в коридоре больницы, не только врачи, но и профессор были неприятно удивлены.

Обследование компьютерной томографией никаких патологических изменений не выявило, но светило нейрофизиологии из Москвы лишь скептически покачал головой и назначил комплексное лечение. Для Меньшова это означало строжайший режим, инъекции, капельницы, таблетки по схеме и полный запрет на выход из больницы. Особенно гнетуще действовала атмосфера клиники, где было много тяжелых больных и, кроме телевизора, других развлечений не было.

Три месяца пролетели незаметно, но никаких улучшений в своем состоянии Игорь не заметил. Хорошее настроение сменилось на тяжелую депрессию, здоровый аппетит перешел в тошноту, а головная боль просто добивала. Во время прогулки по больничному двору Меньшов часто встречал Василия Рябчикова, но теперь не с гантелями в руках, а в инвалидной коляске. Игорь удивлялся тому, что здорового

парня, который до больницы гнул кочергу, теперь вывозили на прогулку в коляске.

– Залечили, гады! – злобно говорил Василий, а Меньшов с тревогой думал о том, как выбраться из этой ситуации, в которой ни он, ни врачи не видели никакой перспективы.

Заметно огорчил один случай. Родители на выходные забрали его из больницы, а он, подходя к дому, не смог вспомнить этаж, на котором находится их квартира. Отец пытался его успокоить и призывал держаться молодцом, но у Игоря это плохо получалось. Светлым проблеском в этом кошмаре было лишь то, что к вечеру настроение улучшалось, голова переставала болеть, и даже появлялся аппетит. Игорь самостоятельно готовил салат, в ход шли помидоры, огурцы, зеленый лук, и в черном хлебе он себе не отказывал. До позднего вечера он работал над раскадровкой фотографий и писал сценарные наброски. Иногда даже удавалось созвониться с друзьями.

Многие из них уже поступили в институты и разъехались по разным городам. Володя Афонин поступил в Санкт-Петербургскую академию художеств, жил в «богемном», как он выразился, общежитии и отрастил творческую бородку. Коля Иванов, худой высокий парень, который в школе был совершенно незаметен, поступил в военно-морское училище и собирался стать командиром ракетного крейсера. В общем, все были при деле, и только у Игоря все шло наперекосяк.

Самым плачевным было то, что Татьяна полностью исчез-

ла из его жизни. Он слышал от друзей, что она учится в медицинском, между делом собралась замуж и даже уже немного беременна.

«Разве можно было такое себе представить еще полгода назад? – с тоской думал Игорь. – Жизнь складывается так, что просто дух захватывает, и как-то не очень верится в светлое будущее».

* * *

Свадьбу готовили с размахом. Отец заказал большой зал ресторана, мама пригласила всех родных и знакомых, а Таня обзвонила подруг. Они вместе с Николаем обошли магазины для новобрачных, купили обручальные кольца, выбрали свадебное платье, и только с костюмом для жениха вышла неувязка.

Большой живот Привалова никак не помещался в стандартные брюки. Их пришлось срочно перешивать у портного.

– Не волнуйся, милый, – ласково приговаривала Татьяна, застегивая брюки на животе Николая, – вот начнем с тобой делать зарядку, будем меньше есть и обязательно похудеем.

– Все как раз наоборот, – упрямо твердил Привалов. – С твоей беременностью есть ты будешь больше, а я не намерен от тебя отставать.

– Но ты можешь заняться бегом или пойти в спортзал.

– Не говори глупостей! Я тебе что, мальчик какой-то?

Мелкие ссоры возникали все чаще, но ко дню свадьбы вроде бы все успокоилось. Свадебное платье скрывало живот невесты, жених был сама элегантность, а родители просто счастливы. В связи с большим сроком беременности Тане пришлось взять академический отпуск. Свободное время она проводила дома и помогала матери готовиться к свадьбе.

Все прошло как по маслу: во Дворце бракосочетания их без задержки расписали, к ресторану они подъехали вовремя и приготвились встречать гостей. Подарков было много, и дарили их от души. Кто-то из гостей преподнес комплект постельного белья, кто-то – столовый сервиз, а кто-то и детскую коляску.

– Ой, примета плохая! Нельзя дарить детские вещи до рождения ребенка! – широко раскрыв глаза, воскликнула Виктория Жаботинская, на правах лучшей подруги заботясь о невесте.

– Ах, оставь, Вика! – спокойно сказала Таня. – Вечно ты со своими приметами.

Гости не заметили минутного замешательства, а когда друзья-студенты подарили новобрачным маленького щенка в корзинке, Татьяна искренне обрадовалась, и напряжение, казалось бы, спало.

– Ой, какой хорошенький! А что это за порода?

– Вероятней всего, терьер, – со знанием дела определила Вика. – Еще маленький, а уже весь совершенно лохматый.

Татьяна взяла щенка на руки, и он, повизгивая, ухитрился лизнуть ее в нос. Наконец все собрались, и гостей пригласили к столу. Еда и напитки были выше всяких похвал, гости остались довольны, и в течение вечера прозвучало много возвышенных тостов. Таня светилась от счастья, с любовью поглядывая на новоиспеченного мужа. Он, изрядно выпив, уже дважды пытался произнести тост, но все никак не мог его закончить. Валентина Михайловна, покрасневшись от волнения, сказала, что они с отцом переезжают на дачу и городская квартира переходит в распоряжение молодых.

После свадьбы потекли однообразные будни. Каждое утро перед уходом Привалова на службу Таня готовила ему завтрак. Он аккуратно съедал его, целовал жену в щеку и исчезал до шести часов, а Таня оставалась на целый день одна. Вариантов было немного: можно было сходить в магазин, приготовить обед, немного потрепаться с подругами по телефону, а затем ждать благоверного.

Жизнь текла однообразно, каждый следующий день был похож на предыдущий как две капли воды. Юношеские мечты закончились, и наступила жесткая проза жизни. Единственным светлым пятном в этом тусклом существовании был щенок по кличке Боб, которого ей подарили на свадьбу. Этот маленький пушистый комочек, ласковый и любвеобильный до невозможности, радовал ее постоянно. То он тапочек принесет в постель, то начнет у Татьяны ухо вылизывать, а когда она возвращалась домой, то щенок встречал

ее радостным визгом, приветливо махая хвостом.

Выполняя рекомендации врачей, Таня часто гуляла в парке и собачку брала с собой. Чтобы поднять себе настроение, она одевалась эффектно, чаще всего во все белое, и они в паре со щенком смотрелись потрясающе.

– Ну, прямо дама с собачкой! – восторгались молодые люди при встрече, но, увидев большой живот женщины, сразу же отставали.

Совсем другого мнения был о собаке Привалов. И хотя Боб радостным лаем встречал его как члена семьи, он неприязненно отодвигал его ногой и проходил на кухню ужинать. Однажды Татьяна сперва накормила щенка, а уж потом собрала на стол мужу. Николай устроил такой скандал, что посуда тряслась в буфете. Ситуация усугублялась тем, что врачи запретили Тане заниматься сексом.

– Это может навредить ребенку, он у вас и так еле держится, – предупредила ее в поликлинике пожилая докторша. – Я советую вам не делать резких движений, а иначе положим на сохранение, и муж вас до родов вообще не увидит!

Советы врачей мало интересовали Привалова. Он сначала ласкал Татьяну, а уж затем шел на сближение, но, не увидев ответной реакции, стал просто насиловать жену. Семейная жизнь перестала ее радовать, и, хотя они переехали в квартиру Николая, Таня при первой же возможности возвращалась к маме. Больше всего ей досаждал большой живот, и она с нетерпением ждала родов. Тем не менее, проводив мужа

на работу, она регулярно выходила на прогулку с собакой. Боб весело бежал впереди, позвякивая маленьким колокольчиком, который Таня прикрепила к ошейнику.

Погода была замечательной, солнце пробивалось сквозь тучи, слегка подтаявший снег блестел и искрился. До парка оставалось пройти метров сто, но еще надо было перейти оживленную дорогу. Таня подошла к перекрестку и стала дожидаться зеленого сигнала светофора. Боб, как всегда, сел рядом, ожидая команды хозяйки. Вдруг впереди раздался залиvistый лай. На противоположной стороне улицы два юрких фокстерьера, подпрыгивая от возбуждения, отчаянно лаяли. Боб страшно перепугался, рванулся в сторону и побежал через дорогу. Татьяна от неожиданности вскрикнула, испугавшись за собаку, и кинулась за ней вдогонку. Она бежала по дороге, придерживая живот, а щенок все прибавлял ходу.

– Бобка, стой! – отчаянно закричала Таня. Резкий визг тормозов и сильный удар оборвали ее возглас.

* * *

В пятницу Игоря выписали из больницы. Лечащий врач, невзирая на его депрессивное состояние, бодро вещал:

– Вам надо выйти на работу, Меньшов.

– Я еле двигаюсь, доктор. Какая может быть работа?

– Работать надо, даже через силу. На работе вы отвлече-

тесь, у вас появятся новые обязанности, и вы обязательно поправитесь.

«Я должен жить как автомат, заставляя себя работать», — с горечью подумал Меньшов.

Но жизнь после больницы постепенно налаживалась. Возвращаться на прежнее место работы Игорь не захотел, и отец устроил его на завод кинескопов дежурным прибористом. Эта профессия казалась увлекательной и перспективной, а на самом деле тяжелая работа в горячем цеху включала и ночные смены. Измерительные приборы часто выходили из строя, так как перегорал датчик температуры печи, и для его замены Игорь надевал ватник и валенки, брал в руки термопару и взбирался с ней на крышу стеклоплавильной печи.

Больше всего он боялся того, что может от напряжения потерять сознание и свалиться в ревущую огнем печь. Но когда термопара была установлена и исправный прибор показывал температуру в полторы тысячи градусов, Игорь гордился собой.

Помимо работы, Меньшов много снимал, а вечерами дома печатал фотографии. Ему удалось опубликовать лучшие снимки в районной газете и выступить с творческим отчетом в молодежном клубе. В своей начавшей бурлить жизни его огорчало лишь то, что состояние периодически ухудшалось и приходилось надолго ложиться в больницу. Снова повторялись ежедневные инъекции, капельницы и таблетки, но к концу лечения наступало временное улучшение.

На работе смирились с тем, что Меньшов периодически болеет, и, несмотря на недовольство начальства, ему исправно оплачивали больничные листы, так как заменить его было некем, ведь найти квалифицированного прибориста на минимальную зарплату было непросто. После больницы он как ни в чем не бывало выходил в ночную смену и лез с термопарой на горячую печь.

Отдыхая дома после работы и просматривая фотографии, Игорь с тоской вспоминал институт, свет прожекторов в съемочных павильонах и суету абитуриентов на экзаменах. Он трезво оценивал ситуацию и понимал, что с его заболеванием не только о работе в кино, но и о поступлении в институт следует забыть.

Тем не менее родители и старшие братья делали все возможное, чтобы он сохранил веру в выздоровление.

– Крепись, сынок, ты же мужчина! – твердо говорил отец.

– Не трусь, малыш, мы обязательно победим, – поддерживал его старший брат.

– Да оставьте вы парня в покое, – обрывала их мать. – У него все будет в порядке!

– Да, конечно, – вяло отвечал Игорь, понимая всю бессмысленность успокаивающих слов, но в душе его все еще теплилась надежда на выздоровление, и он регулярно просматривал журналы, знакомясь с новостями кино.

А новости эти были весьма впечатляющи: то известный режиссер затеет постановку космической саги, заведо-

мо провалив ее в прокате, то престарелый киноклассик, всегда снимавший фильмы о любви, вдруг ударится в пробойный материал боевика, то известная актриса, которой надоело прозябать на пенсии, вдруг соберется замуж, и не за кого-нибудь, а за популярного телеведущего, который лет на двадцать моложе ее. Но самым обидным было то, что экраны кинотеатров не только заполонили, а полностью оккупировали американские фильмы довольно низкого качества. Игорь посмотрел некоторые из них, и ему стало до того противно, что появилась оскоми́на во рту.

Он поговорил с директором кинотеатра, и на вопрос, как можно показывать такой маразм, получил ответ, что хороших отечественных фильмов сейчас нет, а кинотеатр простаивать не может. Да, российское кино почти полностью обанкротилось, а до светлых времен телесериалов еще надо было дожить...

* * *

Таня долго не приходила в сознание, а когда очнулась, то почувствовала такую боль, что громко застонала. Тут же встрепенулась худенькая медсестра, дежурившая в реанимации. Она подошла к кровати, положила Тане прохладную ладонь на лоб и негромко сказала:

– Очнулась, Красавкина, ну, вот и хорошо. Скоро танцевать будешь!

Таня глянула поверх одеяла, и над своим большим животом увидела загипсованную ногу.

– С танцами, я думаю, придется подождать, а что с ребенком?

Медсестра поправила капельницу и мельком взглянула на приборы.

– Гинеколог посмотрел вас и сказал, что пока все в порядке.

– Что значит пока? – встрепелась Татьяна.

– А незачем бросаться под машины беременной! – повысила голос сестра, и Таня сразу же сникла.

– Как мой Боб?

– Это кто, муж твой?

– Нет, щенок.

– Собачка, к сожалению, погибла, но и машина разбилась вдребезги. Ремонт придется оплачивать, вина-то твоя.

Таня завозилась на кровати, стараясь устроиться поудобней. Одеяло сползло на пол, и медсестра аккуратно его поправила.

– Черт с ней, с машиной, главное, чтоб ребенок родился здоровый!

Внезапно дверь отворилась, и в палату вошли трое мужчин в белых халатах. То, что это были врачи, сразу же стало понятно, так как сестра вытянулась по стойке смирно, а главный из них подошел к Татьяне.

– Как вы себя чувствуете?

– Больно, доктор, – пролепетала она, – и пить очень хочется.

– Еды, питья и медикаментов – всего этого у вас будет достаточно. Главное, что вы пришли в себя, а остальное приложится.

– А что с ногой?

– Открытый перелом, гипс, затем длительная растяжка на спицах. Вам, девушка, придется набраться терпения. Лечение будет долгим.

– Я понимаю, – вздохнула Таня.

Врач вполголоса продиктовал сестре назначения, она быстро записывала, изредка, как преданный пес, поглядывая на него.

– И, пожалуйста, учитывая ваше положение, – он выразительно посмотрел на Татьяну, – вам надо осторожнее двигаться и заодно беречь ногу.

Врачи осмотрели еще трех больных, лежавших в реанимации, и, что-то обсуждая между собой, вышли из палаты.

– Ну, слава богу, пронесло! – с выражением сказала сестра.

– А что такого страшного? – поинтересовалась Таня.

– Ты что, не знаешь, с кем говорила?

– Нет, а что?

– Да это же завотделением Петровский! – сестра сверилась с назначением и сразу же поменяла капельницу. – Его не только сестры, но и врачи побаиваются. Он строгий, но

профессионал высшего класса!

Лечение в больнице пошло Красавкиной на пользу. Через три дня боли в ноге заметно уменьшились, а через неделю ей уже разрешили ходить, и она на костылях, животом вперед тихонько передвигалась по коридору. Каждый день ее навещала мама, принося домашние бульоны, а по выходным приезжал отец.

Николай Привалов, который должен был дни и ночи проводить в больнице рядом с беременной женой, появился только один раз, а затем надолго укатил в командировку. Но не это беспокоило Татьяну, а то, что ребенок в животе совсем затих. Не было привычных шевелений, которые она раньше чувствовала. Таню направили к гинекологу, и доктор Семенов принял ее в своем кабинете.

Это был пожилой человек с кудрявой седой шевелюрой. Он долго рассматривал рентгеновские снимки, внимательно читал историю болезни, а затем, делая УЗИ, неодобрительно покачал головой.

– Так вы, оказывается, падали? – приподняв густые брови, спросил доктор.

– Да, меня сбила машина на дороге.

– Это неприятно, – констатировал врач.

– А что с ребенком? – робко спросила Красавкина.

Семенов неторопливо закончил обследование, перевел результаты на принтер и, посмотрев на Татьяну, внятно сказал:

– Никакой патологии я пока не вижу, ребенок развивается нормально, хотя перистальтика матки заметно уменьшилась. Я понимаю, что это результат травмы, но только наблюдая вашу беременность, мы со временем сможем сказать, что будет с ребенком. Очень бы хотелось, чтобы роды прошли нормально, но ваше состояние пока этому не способствует. Так что поправляйтесь!

Врач встал, закончив беседу, а сестра помогла Татьяне вернуться в палату. Плохое предчувствие не оставляло ее, и тревожное состояние все усиливалось. Когда пришла мама, Таня расплакалась и, всхлипывая, проговорила:

– Борис Михайлович сказал, что ребенок в порядке, а matka совсем плоха.

– Кто такой этот Борис Михайлович? – сурово спросила Валентина Михайловна.

– Гинеколог, завотделением.

– И хорошо, что ребенок нормальный, но тебе сейчас не о ребенке, а о себе думать надо. Вон как исхудала, одни ребра торчат.

– И живот выпирает, – улыбнулась сквозь слезы Татьяна.

Через три недели гипс сняли, и Красавкину стали готовить к операции по установке металлических спиц. Операция длилась несколько часов, и нога после нее еще долго болела. Если с гипсом на ноге она могла еще кое-как ходить, то с громоздким аппаратом она стала совершенно не транспортабельной и передвигалась только в инвалидной коляске.

Все это так плохо на нее подействовало, что еще не так давно красивая веселая девушка превратилась в худую, страшную, с тяжелой депрессией женщину. По утрам ей не хотелось смотреть в зеркало, чтобы не расстраиваться еще больше. Тяжелое состояние не лучшим образом сказалось и на ее беременности. Таня не могла есть, у нее совершенно пропал аппетит, и ее большой живот, вместо того чтобы расти, стал почему-то уменьшаться.

Целые ночи напролет она лежала с открытыми глазами и бездумно смотрела в темный потолок. Завотделением Петровский, опасаясь за ее состояние, неоднократно говорил с Валентиной Михайловной, стараясь убедить ее в необходимости аборта по медицинским показаниям.

– Вы только Тане об этом не говорите, дочь не вынесет этого.

– Сейчас речь идет о здоровье матери, и если она не поправится, то гарантировать нормальные роды никто не сможет!

– Доктор, сделайте все возможное, а там уж как бог даст.

В оставшиеся до родов два месяца Татьяна почти не двигалась. Ее возили утром в туалет, обедала она в постели, и только медбрат, молодой спортивный парень, три раза в неделю делавший массаж, мог ее немного расшевелить.

Ситуация усугубилась тем, что, когда Николай Привалов вернулся из командировки и зашел в больницу навестить жену, он ее не узнал. Перед ним лежала худая незнакомая жен-

щина, которая не ответила на его приветствие и за время свидания ни разу не улыбнулась. Николай испугался, ему было неприятно видеть жену в таком состоянии, и он решил, что в следующий раз появится в больнице только в случае крайней необходимости.

Доктор Петровский и гинеколог Борис Михайлович периодически навещали больную, говорили ободряющие слова и многозначительно переглядывались. Наконец по решению ортопедов было решено снять металлический аппарат с ноги. Операцию по выемке спиц проводили под общим наркозом, и, когда она закончилась, Красавкину положили в реанимацию, так как остановить кровотечение долго не удавалось. На третий день утром Татьяна пришла в себя и сразу же почувствовала, что начались схватки. Боль приходила волнами, становилось трудно дышать, и Таня закричала. Через минуту прибежала дежурная сестра, вызвала врача, и после короткого консилиума роженицу перевели в гинекологию.

Валентину Михайловну, которая пришла на свидание к дочери, в палату не пустили, и она, понимая серьезность ситуации, все пыталась выяснить у врачей, как себя чувствует дочь. Схватки длились целый день с короткими промежутками, и наконец к вечеру Татьяна родила. Роды принимала опытная акушерка Наталья Пелипенко, которая с роженицами не церемонилась.

– Тужься, мамаша, тужься, твою мать! – громко наставляла она Таню, не обращая внимания на громкие стоны. – А

теперь дыши, ртом дыши, дурында!

Ребенок вышел, пуповину обрезали, но не было слышно привычного детского крика. Ребенок родился мертвый, а Татьяну в полубессознательном состоянии увезли в палату.

– Этого следовало ожидать, – протирая очки, сказал Борис Михайлович. – После такой травмы и в депрессивном состоянии ничего хорошего ждать не приходится. Это еще счастье, что она сама осталась жива.

На следующее утро Татьяна проснулась, подозвала дежурную сестру и сразу же спросила о ребенке.

– Вы поговорите с дежурным врачом, – сестра поставила поднос с завтраком на стол, – а сейчас вам надо поесть. Врачи рекомендовали обильное питье, так как вы потеряли много крови.

– Ну, скажите, пожалуйста, кто у меня – мальчик или девочка?

Сестра отвернулась якобы к процедурному столику, а затем быстро вышла из палаты. Таня поела, выпила кофе и осторожно добралась до туалета. Как ни странно, но настроение улучшилось. За окном светило солнце, и по небу раскинулись пушистые облака. На ветке дерева сидел воробей и деловито чирикал.

Зеленая листва плавно колыбалась в такт ветру. Жизнь продолжалась.

Дверь распахнулась, и в палату в сопровождении свиты вошел заведованием Петровский.

– Красавкина, почему не в постели?

Таня быстро, как могла, юркнула под одеяло.

– Как самочувствие? Как настроение? – доктор откровенно улыбнулся.

– Спасибо, немного лучше.

– Гинекология? – обратился он к ассистенту.

– Без патологий, идет заживление родовых путей, – молодой ассистент просматривал историю болезни. – Температура в норме, показатели крови хорошие.

– Вот видите, Красавкина, я же обещал, что вы поправитесь. Нога не болит?

– Болит, доктор, но это не главное. Что с ребенком?

Петровский присел на кровать и взял в свои руки тонкие руки Татьяны.

– Я всегда говорю больным правду, и поэтому они мне доверяют. Ваше состояние будет улучшаться день ото дня.

– Что с моим ребенком, доктор?

– У вас родился мертвый ребенок, но вы молоды и у вас еще все впереди! Будут у вас еще дети, не волнуйтесь!

Таня заплакала, слезы покатались по щекам, и лицо стало некрасивым.

Доктор погладил ее по руке, неловко поднялся и быстро вышел из палаты. Ассистенты последовали за ним, а к больной подошла медсестра, сразу же сделала ей укол, и Татьяна заснула. Она просыпалась, чтобы поесть, затем ее кололи, и она снова засыпала. Через три дня Таня поднялась с посте-

ли, к ней пришла мама, и они немного погуляли в сквере у больницы.

Петровский назначил лечебную физкультуру, и под руководством инструктора Таня активно приседала и нагибалась. Окно было приоткрыто, и свежий воздух приятно охлаждал тело. Массаж ей делали в отдельном кабинете, и массажист сильными руками растирал ее так, что тело краснело. С каждым днем Таня чувствовала себя все лучше, настроение улучшалось, и в голове стали появляться мысли о будущем.

«И где же мой так называемый муж? – как-то без волнения подумала Красавкина. – Хоть бы раз для приличия появился, но мне, честно говоря, уже все равно. Пора с ним расставаться!»

Как бы угадав ее мысли, на следующий день в больницу пришел Привалов. Он был хорошо одет, причесан, но как-то напряжен.

– Как ты себя чувствуешь, Таня?

– Спасибо, уже лучше.

– Мне сказали, что тебя на днях выпишут.

– Да, я знаю.

– Комнату я приготовил и даже сменил постельное белье.

Таня посмотрела на его лицо с трехдневной модной щетиной, отметила испарину на лбу и темные круги под глазами. Он ей не понравился.

– Ты знаешь, Николай, я еще очень слаба и думаю, что мне лучше пожить у мамы.

Привалов как бы с облегчением вздохнул и поправил галстук.

– Тебе, конечно, видней, но мой дом всегда открыт для тебя.

Они довольно сухо попрощались, и больше Таня его не видела. Из больницы ее забирали родители. Папа подогнал машину, сумку с вещами поставил в багажник и открыл заднюю дверь. Таня села рядом с мамой. День выдался солнечный, в молодой зеленой листве суетились неугомонные воробьи, в витринах магазинов стояли нарядные манекены, а в лужах отражалось голубое небо. Папа осторожно вел машину, и хотя на перекрестках водители нетерпеливо гудели, скорость он не превышал.

– Танюша, пока ты не поправишься, тебе придется побыть дома, – мама говорила с ней ласково, как с маленьким ребенком, – а чтобы ты не скучала, мы с папой приготовили тебе сюрприз.

– И что же это? – у Тани пробудился неподдельный интерес.

– Придешь домой – увидишь! – мама заговорщицки улыбнулась.

Когда подъехали к дому, Таня удивилась чистоте подъезда, новой металлической двери и жалобному поскуливанию, которое было слышно даже на лестнице.

– Кто это? Неужели щенок?

В щель открывшейся двери просунулась смешная лохма-

тая мордашка.

Таня взяла щенка на руки и, благодарно улыбнувшись родителям, понесла его в комнату, а песик, как бы признав новую хозяйку, тут же устроился у нее на коленях. В ее комнате все осталось без изменения: кровать была аккуратно застелена, игрушечный медвежонок подпирал подушки, компьютер был включен, а стеллаж с книгами – приоткрыт. Создалось впечатление, что она не так давно вышла из комнаты.

«Как хорошо дома! – подумала Таня. – Как будто ничего плохого не случилось, как будто муж по-прежнему любит меня и будто ребенка я не потеряла».

Очень быстро улыбка сменилась слезами, и обеспокоенные родители засуетились вокруг, а щенок, не понимая, что происходит, жалобно заскулил.

Глава 3

Нештатная ситуация

Старший брат Александр прислал из Москвы фотографии, где он был снят на съемочной площадке вместе с актерами. Это был его режиссерский дебют, а сценарий для постановки ему достался беспроигрышный: артисты балета на сцене и в жизни.

Игорь с интересом перебирал фотографии, где брат беседует с актерами или обсуждает с оператором кадр, а вот он на просмотре материала в затемненном зале. Особенно выделялся увеличенный снимок, сделанный на сцене Большого театра. Здесь Александр в окружении балерин разводит мизансцену.

«Да, это совсем другой мир, который мне недоступен, – с тоской подумал Игорь, – но надо быть благодарным богу за то, что у меня есть. Как говорила тетушка Поля: руки-ноги целы, и голова работает. Что еще человеку надо?»

А оказалось, что молодому человеку много чего надо: и чтобы настроение по утрам было хорошее, и чтобы мыслить можно было творчески, и чтобы девушки радовали, а не проносились мимо как привидения. Уж не говоря о том, что хотелось бы думать о будущем, а не хоронить себя заживо.

Все это было в мечтах, а пока приходилось тянуть одно-

образную лямку.

Вставал он рано, на улице было еще темно. С трудом добравшись до ванной, Игорь тщательно чистил зубы, принимал теплый душ и аккуратно брился. Есть по утрам не хотелось категорически, но мама, которая вставала еще раньше, уже жарила яичницу с колбасой или смешивала творог со сметаной. Кое-как проглотив завтрак, Игорь вышел на улицу.

Свежий воздух бодрил, и, стараясь дышать поглубже, он побрел к автобусной остановке. Еще не было семи часов, и прохожие попадались редко. Поэтому чем-то необычным показалась суета в переулке у сберегательной кассы. Два мужика торопливо выносили серые мешки и грузили их в машину, а третий, стоявший у двери, негромко отдавал команды.

«Что за бред? – не понимая, что происходит, подумал Меньшов. – Банк грабят, что ли?»

Но тут его мысли были прерваны топотом ног, и, оглянувшись, Игорь увидел участкового Петрова, который неуклюже бежал к сберкассе, на ходу вытаскивая из кобуры пистолет.

– Стой, гады! Стрелять буду!

Бежать пожилому милиционеру было тяжело, но он старался изо всех сил.

Игорь знал, что у Петрова большое сердце и он дорабатывает последние месяцы перед пенсией. Вдруг от машины загрохотали выстрелы, и Меньшов инстинктивно бросился на

землю. Когда он поднял голову, то увидел, как автомобиль, сбив участкового, несется вдаль по улице. Тут же раздался вой полицейских сирен, а Игорь вскочил и побежал к Петрову.

Старик лежал, неудобно раскинув руки. Из-под форменной шинели виднелись спортивные брюки, он даже форму надеть не успел. В двух шагах на земле валялся его пистолет. Рядом с визгом остановилась патрульная машина, а вторая резко затормозила у открытой двери банка. Наряд полиции рванул вперед. Молоденький лейтенант с пистолетом в руке подбежал и нагнулся над участковым.

– Жив? – резко спросил он.

– Я не знаю! – испугался Игорь. – Но, кажется, дышит.

– Ты видел что-нибудь? – наседа л лейтенант.

– Три человека вынесли мешки из банка, а когда подбежал участковый, они начали стрелять. Потом, уезжая, сбили его машиной.

– Номер запомнил?

– Кажется, 34, остальное не видел, было еще темно.

– Спасибо. Вызовет следователь – все подробно расскажешь, – и лейтенант побежал в сторону банка.

Через пять минут прибыла скорая, и участкового Петрова увезли в больницу, а потрясенный Меньшов только сейчас вспомнил, что собирался на работу. Он позвонил домой, чтобы успокоить мать, а затем сел в подошедший автобус и поехал на завод. Самое интересное, что, несмотря на потря-

сение, чувствовал он себя значительно лучше.

В цеху его встретил начальник смены Глухов, который, как бы подтверждая свою фамилию, говорил не нормально, а постоянно орал. Возможно, причиной этого был грохот формовочных машин и рев огня у раскрытых окон печей.

– Петр Семенович, извините за опоздание, но у нас в районе ограбили банк.

– А ты что, грабителям помогал? – выпучив глаза, проорал Глухов.

– Нет, конечно, но меня милиция задержала как свидетеля.

– Иди работай, артист! Вечно ты в какую-то историю вляпаешься! – начальник смены открыл дверь, и Игорь направился к своему участку.

Слева грохотал и шипел здоровенный пресс, впереди округлым горбом высилась стеклоплавильная печь, а в небольшом помещении, огороженном фанерной стеной, были смонтированы контрольно-измерительные приборы, следившие за температурой в печах.

Меньшов поздоровался со сменщиком. Звали его Степаном, был он высокого роста, широкоплеч и немногословен, но если о чем-то и говорил, то только о женщинах.

– Значит, прихожу я к ней после танцев, – рассказывал он Василию Ивановичу, пожилому слесарю, – а она дверь не открывает, цену себе набивает. Ну, я постучал культурно раз, другой – она ни в какую. Тут я разозлился и плечом вышиб

дверь, а уж потом мы с ней всю ночь куролесили.

– А дверь-то починил? – по-хозяйски забеспокоился Василий Иванович.

– Починил, потом уж починил! – успокоил его Степан.

– Привет, гвардейцы, – Меньшов прошел к своему шкафу, сменил куртку на ватник, присел на скамейку и вместо туфель стал натягивать валенки.

– Сегодня надо поменять две термопары, – озабоченно сказал Степан, просматривая журнал дежурств. – Работнички из ночной смены совсем обленились, все самое сложное нам оставили.

– На какой печи? – спросил Игорь, притоптывая валенками.

– Одна на первой, а другая на второй.

– На первой надо не только термопару менять, но и новый кабель протягивать, – уверенно сказал Меньшов. – Там контакты совсем прогорели, я еще в прошлую смену заметил.

– Менять – так менять! – бодро сказал Степан и, подхватив ящик с термопарами, направился ко второй печи.

«Хитрец! – с грустью подумал Игорь. – Сам на вторую, а мне ненавязчиво первую печь подsunул. Теперь вкалывать до обеда придется. Кабель просто так не протянешь».

Он проверил наличие термопар, прихватил инструменты, моток кабеля, изоляцию и, прикрыв за собой дверь, направился к первой печи. Самая большая на заводе, полыхающая огнем из малых окошек, тысячеградусная внутри и очень

жаркая снаружи, эта печь была инженерной гордостью завода. Полностью автоматизированная, выдающая стекло высшего качества, она все же не могла обойтись без помощи специалистов. То произойдет сбой в загрузке компонентов, то пойдут воздушные пузыри в стекле, а когда из-за сгоревшей термопары меняется температура плавки, технологи матерятся и обвиняют во всем прибористов.

Взобравшись по металлической лестнице на печь, Игорь подошел к термодатчику, вмонтированному в крышу печи. Сбив ломиком крепежную глину, он начал раскачивать термопару, готовясь ее вытащить. Из отверстия резко ударила струя горячего воздуха. Даже сквозь валенки обжигало ноги. Задержав дыхание, Меньшов потянул термопару на себя и, когда она оказалась в руках, положил раскаленный конец на специальную подставку. От жары вокруг все вибрировало, пот тек по лицу, груди и спине. Дышать раскаленным воздухом было невозможно. Соединив кабель с новой термопарой, он вмонтировал ее в печь, прочно закрепил термостойкой глиной и, протягивая кабель, стал осторожно спускаться с печи. Уже внизу, вздохнув с облегчением, он подсоединил контакты к распределительному щиту и с удовлетворением взглянул на ожившие стрелки приборов.

«Ну, слава богу, кажется, жив! – улыбнувшись, подумал Игорь. – Хорошо, что родители не видят, как я лезу на раскаленную печь, а иначе работать бы здесь мне запретили».

Он аккуратно собрал инструменты и направился в свой

отдел. В помещении стало намного оживленней. Два технолога громко спорили у графика температур, уборщица Маня елозила тряпкой пол, а за столом расположился Степан, додая бутерброд и запивая его молоком из пакета.

– О, вот и Меньшов объявился! Ну что, справился? – Степан приветливо улыбнулся.

– Все в порядке! Жаль только, что валенки сгорели.

Игорь устроился на скамейке, с трудом стащил с ног остатки валенок и с облегчением вытянул ноги. В этот момент открылась дверь, и в комнату заглянула молодая женщина. Лет тридцати, в светлой кофточке, короткой юбке, открывающей стройные ноги, и в туфлях на шпильках. Она поправила тщательно уложенные волосы и поздоровалась.

В комнате сразу же стало тихо. В горячем цеху все женщины носили синие комбинезоны и резиновые сапоги, а тут мини-юбка и модные туфли. Первым в себя пришел Степан и бодро спросил:

– Вам кого?

– Я ищу начальника смены Глухова. В диспетчерской мне сказали, что он у вас.

Женщина мило улыбнулась и оглядела мужчин. Меньшов тут же подтянул ноги, загребая грязные валенки под скамейку. Один из технологов оторвался от приборов и заинтересованно взглянул на женщину.

– Его сейчас здесь нет, но я слышал, как он орал у стекольного пресса.

– Почему орал?

– Да он всегда орет, шумно у нас тут. А вы по какому вопросу?

– Я замдиректора телевизионной группы. Мы должны снять репортаж о работе вашего цеха, – женщина выпрямилась, почувствовав внимание мужчин, и высокая грудь всколыхнулась под кофточкой.

Меньшов сбросил ватник, быстро надел туфли и, поднявшись со скамейки, шагнул к женщине.

– Вы сами его не найдете. Я провожу вас.

– О, это так мило с вашей стороны, – она улыбнулась еще откровеннее, и они направились в цех.

Женщина тут же споткнулась на скользком полу, и Игорь уверенно взял ее под руку. От нее пахло какими-то необыкновенными духами, и держать ее теплую мягкую руку было приятно.

– Меня зовут Наталья Викторовна, – она стрельнула темными глазами.

– А я Меньшов. Игорь Меньшов. Работаю здесь прибористом.

– И давно?

– Уже более полугода. Я не поступил на операторский факультет ВГИКа, и пришлось осваивать рабочую профессию.

Они обошли грохочущий пресс, затем протиснулись мимо горячей печи и вышли к застекленной будке начальника цеха.

– Так мы с вами соратники. Кино и телевидение – близнецы-братья, – Наталья Викторовна поправила волосы.

Мимо пронесся начальник смены Глухов, на ходу что есть силы крича:

– Куда, вашу мать?! Я сказал грузить сперва первую печь, а не вторую!

Меньшов и Наталья Викторовна испуганно посторонились.

– Я думаю, что вам лучше договариваться в заводоуправлении. Там намного спокойнее, – Игорь смущенно замялся. – А можно я буду присутствовать на вашей съемке?

Замдиректора сразу же стала серьезной, одернула кофточку и повернулась к Меньшову.

– В общем-то, это у нас не принято, но если оператору понадобится ассистент, то я обязательно вас приглашу. У вас есть телефон?

– Да, конечно, – Игорь продиктовал номер мобильного и проводил женщину к заводоуправлению.

– Спасибо и до встречи! – она скрылась за дверью.

«Женщина просто обалденная! – с восторгом подумал Меньшов. – То, что она старше меня, даже хорошо, а если поможет пробиться на телевидение, так это будет замечательно!»

Таня не сразу привыкла к дому, слишком долго она лежала в больнице, но жизнь брала свое. В квартире надо было убираться, покупать продукты и готовить обед. Родители с утра уходили на работу, возвращались поздно, а есть очень хотелось, так что приходилось крутиться самой. Много хлопот доставлял щенок, Татьяна назвала его Баксом. Он носился по квартире с тапком в зубах, громко лаял, грыз мебель и много ел. Свою хозяйку он обожал и ходил за ней как привязанный.

Однажды утром резко зазвонил телефон, и Татьяна, кормившая щенка, неохотно взяла трубку.

– Танюха, привет! – раздался бодрый голос Виктории Жаботинской.

Подруга всегда была в хорошем настроении и активно поддерживала его в окружающих. Даже по телефону было слышно, как она смеется и радуется жизни.

– Привет, – грустно откликнулась Таня.

– Я надеюсь, у тебя все в порядке?

– Более-менее.

– Кончай грустить! Завтра у нас всего две пары, семинар по анатомии, а потом физиология.

– Ну и что? А я тут при чем? Меня уже давно отчислили из института.

Вика недовольно зашипела и почти выкрикнула в трубку:

– Вот тут ты не права, подруга! Я вчера заскочила в деканат, и Петр Степанович клятвенно обещал восстановить тебя. Так что приходи в институт и не отлынивай!

– Постараюсь. Спасибо тебе за участие.

– Пожалуйста, только я не затем звонила.

– А в чем дело-то?

Вика выдержала паузу, прямо как завещал Станиславский, а потом с ходу выдала:

– Физиологию ведет такой мужик, полный отпад!

– Уж не влюбилась ли ты, Виктория? Этот, наверное, десятым будет!

– Не десятым, а только шестым! Так что у меня все впереди! – подруга засмеялась. – До завтра, встретимся в институте.

Положив трубку, Татьяна вышла на балкон. Щенок тут же увязался за ней, радостно помахивая хвостиком, и, задрав мордочку, стал принюхиваться к незнакомым запахам. Осень брала свое. Уже который день накрапывал нудный противный дождь. Листья на деревьях совсем пожелтели и стали плавно опадать на землю. Выходить на улицу совсем не хотелось, но надо было выгулять щенка, и Таня собралась на прогулку.

Она надела джинсы, сапоги и теплую куртку. И хотя ошейник был еще велик для Бакса, Таня тщательно пристегнула поводок – второй раз падать ей не хотелось. Захлопнув

дверь, она вышла на улицу. Посмотрев, как радостно бегают щенки, как тянет ее вперед и неумело выполняет команды, она невольно улыбнулась. После часовой прогулки настроение значительно улучшилось.

Вернувшись домой, она приготовила обед, поела сама и накормила щенка, а затем прилегла на диван. Бакс тут же устроился рядом, согревая ее теплым тельцем. Незаметно Таня уснула, а когда через час проснулась, то сразу же вспомнила разговор с Викторией. Какой-то обалденный мужик преподает в институте физиологию.

«Надо будет сходить на лекцию, – лениво подумала она. – Посмотрю, что за птица и как подает материал. Заодно встречусь с подругами и узнаю последние новости».

Валентина Михайловна вернулась после работы, неся в руках пакеты с продуктами. Бакс тут же кинулся навстречу и, смешно подпрыгивая на месте, радостно приветствовал хозяйку дома.

– Мама, ну зачем ты таскаешь тяжелые пакеты? Тебе большую спину надо беречь. Ты могла позвонить, и я бы вышла навстречу.

– Ну что ты, дочка, отдыхай! Тебе поправляться надо.

– Уже поправилась, завтра иду в институт, – Таня посмотрела в зеркало, откинула со лба озорную челку и улыбнулась.

Валентина Михайловна неуверенно оглянулась, заметила перемену в настроении дочери и облегченно вздохнула.

«Только бы у нее все было хорошо! – с тревогой подумала

она. – Уж слишком много проблем для девушки».

На следующее утро Таня быстро собралась, наскоро позавтракала и побежала в институт. Погода была замечательная: светило неяркое осеннее солнце, желтая листва красиво смотрелась на фоне голубого неба, а птицы пели так, как будто наступила весна.

В вестибюле института толпилось много студентов. Болтали, курили, смеялись, как будто никто не спешил на лекции, но после звонка многие все же заторопились. Таня сдала куртку в гардероб, мельком взглянула на себя в зеркало, и тут на нее налетела Вика.

– Привет, Танюха! Ну, ты хороша, а говорила, что болеешь. Пошли скорее в деканат, а уж потом на лекции.

– Надо будет беседовать с деканом? – Таня явно смутилась.

– Конечно, но это не проблема. Петр Степанович только представляется грозным, а на самом деле душевный человек.

– Хотелось бы верить, но мне как-то тревожно.

Несмотря на неопределенность, в деканате все сразу же встало на свои места: Татьяна предъявила больничный лист, Петр Степанович подписал приказ, и Красавкину восстановили в институте. Татьяна, облегченно вздохнув, отправилась на лекцию. В аудитории собралось человек пятьдесят. В большинстве это были девушки, но ребят тоже хватало.

Анатомию читал старый профессор, часто перемежая русскую речь латинскими терминами, при этом его голос, и без

того негромкий, часто переходил почти в шепот, так что слушать его, а тем более конспектировать, не представлялось возможным. Таня поправила прическу, вынула зеркальце, подкрасила губы и оглянулась. Студентки были заняты чем угодно, но только не лекцией: кто-то слушал музыку, кто-то шепотом беседовал с подругами, а кто-то без стеснения дремал. Только ретивые студенты из первых рядов делали вид, что внимательно слушают профессора.

На стол к Татьяне упал бумажный шарик. Она растерянно оглянулась и увидела сзади симпатичного парня. Правильные черты лица, русые волосы, спадающие на лоб, и открытая располагающая улыбка.

– Привет! – шепотом сказал он. – Меня зовут Андрей. Как ты здесь оказалась?

– Что значит как? Я здесь учусь.

– Просто я тебя раньше не видел.

– Я сегодня первый день после академотпуска.

– А, тогда понятно, – он еще шире улыбнулся. – Тебе не надоело слушать этого старца?

– Вроде бы нет. Он же говорит дельные вещи, просто техника речи у него хромает.

Андрей на секунду задумался, а потом наклонился к Тане и прошептал:

– Давай рванем отсюда! Сейчас в кафе мало народа, и мы сможем нормально поесть, а потом и в парк не грех прошвырнуться.

Таня внимательно посмотрела на парня и так же тихо спросила:

– Ты со всеми девушками такой приткий?

– Нет, только с теми, кто нравится, – Андрей покраснел как красна девица, и от этого его лицо стало еще симпатичней.

– Мне подруга сказала, что физиологию преподает обалденный мужик. Я хотела бы на него посмотреть.

Андрей сразу же сник и отодвинулся, а затем быстро написал записку и передал ее Татьяне.

«Преподавателя зовут Семен Владимирович Стоянов. Ничего особенного, просто молодой да ранний. Он зять ректора института и поэтому читает лекции, даже не защитив диссертации».

– Так он женат? – Таня спросила это так громко, что пожилой профессор оторвался от конспекта и вопросительно глянул в их сторону.

В перерыве Таня заскочила в буфет, отстояла небольшую очередь, взяла кофе и булочки, а затем присела к столику у окна. Тут же к ней подлетела Виктория.

– Танюха, привет! Ну как тебе анатомия?

– Ничего особенного, старый профессор шелестит как пропеллер, а студенты занимаются своими делами, – и, заметив голодный взгляд подруги, предложила: – Угощайся.

– Нет, спасибо! Я так волнуюсь, что кусок в горло не лезет.

– Это ты из-за преподавателя Стоянова?

– Ну да! Ты просто ясновидящая.

– Мне сказали, что он женат, – Таня вопросительно взглянула на подругу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.